

БИБЛЕЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

# МОИСЕЙ



ТАЙНА 11-Й ЗАПОВЕДИ  
ИСХОДА

**Иосиф Кантор**  
**Моисей. Тайна 11-**  
**й заповеди Исхода**  
**Серия «Библейский**  
**исторический роман»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=7583964](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7583964)*

*Иосиф Кантор. Моисей. Тайна 11-й заповеди Исхода: Эксмо; Москва;*

*2014*

*ISBN 978-5-699-71002-7*

**Аннотация**

Этот роман заставляет по-новому взглянуть на героев Ветхого Завета. Это – не скучный пересказ Священного Писания, а настоящий библейский детектив!

Уведя евреев из египетского плена, пророк Моисей сталкивается с тайным сопротивлением Исходу – кто-то портит припасы и отравляет воду, без которой в пустыне – верная смерть, поджигает лагерь и убивает проводников, распространяет слухи о «безумии Моисея» и подстрекает народ к бунту против Господней воли. Кто он – секретный агент фараона? Где будет нанесен следующий удар? Что делать, если подозрение падает даже на родных и близких пророка? Как ему разоблачить предателя, спасти свой народ от гибели и обрести Десять заповедей?

*Книга также выходила под названием «Исход. Пророк Моисей».*

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	77
Глава 9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

# Иосиф Кантор

## Моисей. Тайна 11-й заповеди Исхода

*И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся*

*Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «семени твоему дам её»;*

*Я дал тебе увидеть её глазами твоими, но в неё ты не войдёшь*

*Второзаконие, 34:4*

## Глава 1

### Начало исхода

Ночью 14 нисана 2448 года<sup>1</sup> в Египте никто не спал. Одни скорбели, другие собирались в дальнюю дорогу.

Долгожданные сборы вышли настолько скорыми, что тесто для свежего хлеба не успело закваситься и в дорогу напекли опресноков.

– Пусть это будет самым большим лишением нашим! – говорили хозяйки, еще не догадываясь, что в память о великом событии пресный хлеб из пищи лишения станет празд-

---

<sup>1</sup> 24 марта 1312 года до н. э.

ничной пищей.

Ночью собирались и приходили в место сбора, а на расвете тронулись в путь все вместе. Пошли под звуки серебряных труб и благословения, смешанные со слезами. Плакали от радости, плакали от страха перед неизвестностью, плакали потому, что в такой великий час слезы текли сами собой, и ничего нельзя было с этим поделать.

Впереди всех воины из колена Эфраимова несли на своих плечах носилки с золотым саркофагом, в котором хранились останки Иосифа, сына Иакова. То была его воля, высказанная перед кончиной – уйти из Египта вместе с народом своим. Он пришел сюда первым и уходил первым.

Зловредные египтяне бросили саркофаг с останками патриарха в воды Нила, чтобы евреи никогда не смогли бы найти их, но накануне исхода тяжелый саркофаг всплыл на поверхность, а когда его извлекли из воды, то увидели, что блеск золота не потускнел. Саркофаг сиял так, что смотреть на него было невозможно.

– Чудо! – шептались люди, понимая так, что тот, кто первым поселился в земле Гесемской, теперь благословляет народ свой на исход из нее.

Все понимали, что впереди их ждут лишения с бедами, и находили множество добрых предзнаменований, ободряя себя.

Никто еще не представлял, какими многочисленными будут эти беды и лишения, никто не догадывался, как долго

их придется терпеть, никто не мог знать, что далеко не все дойдут до Земли Обетованной...

Следом за саркофагом шел отряд воинов, которые сменяли тех, кто нес носилки. Они же и охраняли останки патриарха от тех, кому могло бы захотеться снова покуситься на них. Воины были как на подбор – рослыми, плечистыми, суровыми. Бронзовые, заостренные книзу пластины доспехов начищены, щиты, висящие за спиной, так и сияют в лучах восходящего солнца, но ослепительнее всего сверкают лезвия боевых топоров. Сначала займись оружием, затем удели внимание щиту, а доспехи оставь напоследок – таково правило воина. На поясах воинов висели и покачивались в такт шагам длинные кинжалы, которыми так удобно отрубать руки убитым врагам<sup>2</sup> после битвы, когда топоры, опившись кровью, тупеют.

– Все бы наши воины были бы так вооружены, Осия, – сказал Моисей начальнику над воинами из колена Эфраимова, ехавшему по левую руку от него.

Справа от Моисея ехал его старший брат Аарон. Рядом с Аароном, чуть отстав, ехал Мардохей, сын Лабана, начальник над писцами и один из помощников Моисея. Моисей, Аарон и Осия были мужчинами видными, статными, и рядом с ними тощий и невысокий ростом Мардохей выглядел

---

<sup>2</sup> Убитому врагу в Древнем Египте отрубали правую руку по двум причинам. Подсчет убитых врагов писцы фараона вели по отрубленным правым рукам. Кроме того, считалось, что враг, лишенный правой руки, не сможет отомстить своему убийце после смерти.

ребенком. И лошадь у него была меньше других коней, выбранная не за стать, а за смирный нрав, из тех, что всегда ходят шагом, никогда не срываясь на рысь.

Моисей очень ценил Мардохея за ум и превосходную память. Мардохей знал все – начиная с того, сколько воинов в колене Эфраимовом, и заканчивая тем, сколько беременных женщин в колене Рувимовом. Происходил он из колена Данова, племени многочисленного, привыкшего добиваться своего не только воинственностью, но хитростью и коварством. Почти все писцы, над которыми начальствовал Мардохей, тоже были из данитян.

– Бог даст – вооружим всех! – ответил Осия.

– Тридцать пять тысяч из шестисот, что могут носить оружие, вооружены так, как подобает воинам, – подал голос Мардохей. – Это составляет примерно двадцатую часть. У остальных есть что-нибудь из оружия – копья, топоры, луки со стрелами или простые посохи, но почти нет щитов, а те, что есть – простые, из неокованного дерева. И лат почти ни у кого нет, даже войлочных...

– Если у мужчины есть желание сражаться, то он и с посохом в руках – воин! – запальчиво перебил Мардохея Осия.

Моисей улыбнулся – ему нравилась горячность Осии. Египетское рабство сделало людей унылыми, приучило к покорности, сдержанности во всем – в чувствах, в чаяниях, в стремлениях. Но не таков Осия. Он – как стрела, пущенная из тугого лука сильной рукой. Осия горяч, но никогда не го-



ворит попусту. Действительно – если есть дух, то и с посохом воин.

– Желание сражаться нельзя потрогать рукой и нельзя считать, – сварливо сказал Мардохей. – Я же говорю о том, что считают. И снаряженных полностью воинов принято считать отдельно от мужчин, имеющих какое-то оружие. Тебе ли не знать этого, начальник над воинами?

– Мы идем! – Аарон, не любивший споров и ссор, поспешил вмешаться и напомнить о величии момента. – Видите? Фараон отпустил нас, и мы идем!

Каждое из двенадцати колен шло отдельно. Воины из колена Эфраимова, единственные из народа, несшие службу в войске фараона, шли строем, под предводительством своих начальников, а жены и дети их шли сзади. Все остальные же шли посемейно, везли на повозках и верблюдах или ослах то, что смогли увезти, гнали овец и коз. Гвалт стоял невообразимый, приходилось говорить громко, чтобы быть услышанным.

Всего же людей было две тысячи тысяч, как сказал Моисею Мардохей. Колонна растянулась по старой дороге на много шемов<sup>3</sup>. В самом хвосте шли присоединившиеся к евреям рабы из числа хеттов, моавитян и других народов. Виднелись здесь и безбородые лица египтян – то были уверовавшие в единого Бога евреев и решившие уйти с ними. Моисей предвидел, что будут такие, и распорядился принимать

---

<sup>3</sup> 1 шем = 62,82 км.

всех, кто пожелает присоединиться. «Кто с Богом нашим – тот наш», – сказал он.

Уходили поспешно, под проклятия египтян, по воле Господней лишившихся первенцев во всех семьях, и, беспокоясь, как бы коварный фараон Мернептах снова, по обыкновению, не переменял решения своего. Много раз говорил он: «Отпускаю. Идите», а потом говорил: «Не отпускаю» и стоял на своем до тех пор, пока не обрушивалась на Египет новая казнь.

Сначала пошли по караванному пути вдоль морского берега<sup>4</sup> и шли так до заката. Радость переполняла сердца, сил было много, и потому в первый день прошли много, раза в полтора больше того, на что рассчитывал Моисей.

– Если так пойдем, то через пятнадцать дней достигнем Земли Обетованной! – радовались некоторые.

Моисей, слыша такое, молча вздыхал. Он понимал, что прямым путем в Землю Обетованную не пройти – могут не пропустить египтяне, которые охраняют северные рубежи Египта от филистимлян, а если и пропустят они, то ни за что не пропустят филистимляне. Филистимляне нападут непременно, потому что они не могут не напасть, да и поживиться будет чем, особенно если дойдут до них слухи о том, что египтяне отдали уходящим евреям много чего драгоценного. А слухи дойдут, обязательно дойдут, потому что слухи распространяются скоро. И что тогда? Противостоять

---

<sup>4</sup> Речь идет о Средиземном море.

отборным воинам филистимлян люди не смогут. Тридцать пять тысяч из шестисот смогут сражаться, остальные же просто погибнут. Сами египтяне (а воины они, надо признать, неплохие) говорят: «воин-филистимлянин стоит троих, ибо не только силен он, но и ловок, и не только ловок, но и коварен». Что толку уходить для того, чтобы погибнуть? Потому Моисей намеревался на второй день повернуть на юг и идти в безлюдную область Ефам, где можно будет остановиться на несколько дней, передохнуть и навести порядок среди народа. Уже во время сбора в Раамсесе стало ясно, что двигаться надо упорядоченно, а не неорганизованной толпой. Пусть даже разделенной по коленам, но все равно толпой. Мужчины, женщины, дети, редкие всадники, повозки, навьюченные верблюды и ослы, козы и овцы – всех надо упорядочить так, чтобы можно было передвигаться без помех и, в случае нужды, обороняться без промедления.

– Не будем больше ждать зла от египтян! – радовались легковверные и недалновидные. – Фараон отпустил нас!

Моисей, слыша это, переглядывался с братом своим, Аароном. Уж они-то знали, насколько постоянен Мернептах, и знали, как держат свое слово египтяне. Когда им выгодно – держат, когда невыгодно – нет.

Фараон отпустил евреев не насовсем. Он отпустил их уйти в пустыню на расстояние трех дней пути для того, чтобы они могли принести там жертвы Всевышнему, не оскверняя этим верований египтян. Так просил Моисей. Моисей знал, что

фараон никогда не отпустит своих рабов навсегда, и потому вел речь об уходе на несколько дней. Кроме того, Моисей не хотел получать дар освобождения из рук фараона. Не ему, презренному и проклинаемому, освобождать евреев...

Моисей понимал, что каждый участник великого похода должен не только уйти из насиженных мест, но и выйти из рабства в душе своей, избавиться от того мрачного груза, что оставило рабство, очиститься, и только тогда можно будет ступить ему на Землю Обетованную. А это долгий срок, исчисляемый не днями и не месяцами, а годами.

Но то будет потом, а сейчас главное – покинуть землю египетскую. Покинуть и забыть, покинуть и никогда больше сюда не возвращаться. Былое расположение правителей утрачено, былое гостеприимство египтян обернулось гнетом рабства, и нет евреям больше места в Египте, как Египту нет больше места в сердцах еврейских.

Первый день Исхода – великий день. В такой день, да еще выступая впереди народа своего, полагается думать о будущем, но мысли Моисея настойчиво возвращались в прошлое, перескакивая с одного на другое.

Моисей покидал Египет во второй раз. Впервые он бежал в страну Мидьян давно, еще в молодости, при жестокосердном гонителе евреев фараоне Рамсесе II, отце Мернептаху. Мернептах тоже не расположен к евреям, и добрым его никто от чистого сердца не назовет, но перед отцом своим он все равно, что собака перед львом – злости, может, и столько

же, а мощь не та.

Бежал Моисей после того, как убил египтянина-надсмотрщика, избивавшего одного еврея по имени Датан. Надсмотрщик возжелал Суламифь, жену Датана, и дошел до того, что овладел ею в отсутствие мужа. Датан возмутился, но в ответ египтянин начал избивать его. Это увидел Моисей и вмешался. Убив надсмотрщика, он спрятал его тело, надеясь сохранить свой поступок в тайне. На следующий день Моисей увидел, как спасенный им еврей спорит с другим евреем, и высказал возмущение этим. Датан обернулся и, не испытывая никакой благодарности к спасителю своему, спросил: «Тебе-то какое дело, с кем я спорю и почему?! Или ты хочешь убить меня, как убил египтянина?! То шурин мой, Авирам, брат жены моей. Я хочу развестись с женой, потому что противна она мне после того, как египтянин входил к ней, а он возражает против этого! Но то наше дело, а не твое!» Моисей, рассчитывавший на то, что спасенный станет держать язык за зубами, убоился гнева фараона, строго взыскивающего за кровь слуг своих, и бежал из Египта. Бегство оказалось удачным – он не только спас свою жизнь, но и нашел на чужбине жену, родившую ему двоих сыновей. Никогда не угадаешь наперед, в чем заключено твое счастье и в чем заключено несчастье...

В первый день ночевали в Сукоте, на второй пришли в Ефам.

– Мы достигли края пустыни! – воскликнул пылкий Осия,

когда они остановились в Ефаме.

— Мы достигли края земель египетских! — поправил его Моисей. — Субботу проведем здесь, а потом пойдем дальше. Завтра, как взойдет солнце, приходите ко мне. Помолимся вместе Господу нашему, испросим его благословения и поговорим о делах наших.

Утро принесло неприятную весть — под конец ночи, в предрассветный час, когда сон крепче крепкого, в двух местах, в колене Иудином и в колене Рувимовом, там, где повозки и выюки с припасами располагались вблизи от верблюдов, эти спокойные и послушные животные вдруг начали бесноваться. Да так, что опрокидывали повозки, втапывали в песок припасы и нанесли тем самым запасам большой урон. Случилось это примерно в одно и то же время — не успели здесь понять, что случилось, как уже оттуда кричат: «Проклятые! Оставили нас без пропитания!» Что произошло с верблюдами, понять не удалось, потому что они убежали в пустыню и, как надеялись все пострадавшие, сгинули в ней навсегда.

Пострадали не только припасы, но и люди. Пятерых храбрецов, бросившихся наперерез, верблюды сбили с ног и затоптали насмерть. Кто-то сломал руку, падая, кому-то так сильно досталось копытом в грудь, что человек начал харкать кровью... Потеря части припасов и пятидесяти верблюдов тоже была ощутима. Но ощутимей всего была смена настроения в еврейском стане. Накануне вечером, ложась

спать, люди смеялись и поздравляли друг друга с удачным началом пути и первым большим привалом, а сейчас они впали в уныние. Никто не улыбался, только горько вздыхали и пожимали плечами.

– Скотоложцы презренные! Сыновья падших женщин! – бесновался подле шатра Моисея грузный Элицур, сын Шедеура, начальник колена Рувимова, понося злых деятелей и призывая кары на их головы. – Будьте вы прокляты, и да будет проклято все семя ваше и все дела ваши!

И без того громогласный, Элицур в порыве гнева кричал так, что голос его был слышен по всему стану. Глаза его налились кровью, а борода грозно топорщилась. Многие говорили о недомысле и беспечности, но Элицур был склонен подозревать злой умысел.

– Уймись, – посоветовал Элицуру Моисей, подходя ближе. – Не роняй достоинства своего, чтобы не говорили потом: «это было в Ефаме в тот день, когда безумие поразило верблюдов, а от них перешло на Элицура, предстоятеля колена Рувимова!»

Под тяжелым взглядом Моисея Элицур умолк. Шумно выдохнул, выпуская остатки гнева из нутра своего, огладил бороду, поправил сползший набок бронзовый шлем и пробурчал себе под нос:

– Узнать бы кто!..

И внимательно-настороженно оглядел всех, кто стоял вокруг него, словно подозревая их в злодеянии.

– Это кто-то из собак-египтян! – сказал позади Элицура Иссахар из колена Рувимова. – Надо бы разделаться с ними!

Иссахар был из числа именитых людей, но Моисей его не жаловал, потому что был он льстец, плут и любил строить козни.

– Нет в нашем стане собак-египтян! – выкрикнул Моисей, намеренно повышая голос, чтобы слышно было многим вокруг. – Есть люди, присоединившиеся к нам и обратившиеся в нашу веру! Кто замыслит против них недоброе, с того спрошу я как за содеянное! А если кто-то сделает им недоброе, тому воздастся вдвойне! Мы все – один народ, и нет между нами раздоров!

Иссахар съежился, сник и отступил назад, скрывшись за чужими спинами...



## Глава 2

# Моровая язва

Оказалось, что не все египтяне присоединились к евреям по своей воле. Были среди них и соглядатаи фараона. До воскресного утра 18 нисана они никак не обнаруживали себя, но когда начались сборы в дорогу, стали кричать: «О, евреи! Вы говорили фараону, что уходите в пустыню на расстояние трех дней пути для того, чтобы поклониться вашему Богу! Три дня прошло! Возвращайтесь обратно!» Евреи на это отвечали, что они свободные люди и вольны идти туда, куда им хочется. Соглядатаи фараона повели себя неблагоприятно. Увидев решимость евреев продолжать свой путь, им надо было вернуться к фараону и рассказать обо всем, но кто-то дерзкий или же просто желающий выслужиться больше остальных, начал грозить евреям карами заслушание. Один сказал, а другие подхватили и продолжили, чтобы очень скоро пожалеть об этом. Евреи, изрядно натерпевшиеся от фараона и его слуг, вознегодовали и начали избивать посланцев фараона, вымещая на них свою ненависть. Многие из соглядатаев погибли, но кому-то удалось спастись бегством. К полудню волнение в стане улеглось. Люди собрались и ждали, когда Моисей поведет их дальше.

Моисей долго размышлял в одиночестве, сказав, чтобы

его не беспокоили. Дважды он выходил из шатра и подолгу смотрел на небо – то на восток, то на запад, то щурился прямо на солнце. Затем облизывал кончик указательного пальца, поднимал его кверху, немного стоял так и скрывался в шатре своем.

– Моисей говорит с Богом! – с почтением говорили те, кто видел это.

Некоторые даже облизывали свои пальцы и поднимали их, как это делал Моисей, но никто не понял, зачем он так поступал.

Приняв решение (непросто было ему это сделать), Моисей пригласил к себе в шатер Аарона, начальников колен Израилевых, военачальника Авенира, начальника над писцами Мардохея и еще некоторых людей из числа высокопоставленных и сказал им:

– Я хочу повернуть обратно и пойти к Египту. Придем в Пи-Гахирот и станем ждать там.

Даже брат Аарон подумал, что он ослышался, и потер ладонями уши. Кто-то тряс головой, кто-то щипал себя за руку, думая, что спит и видит сон, а Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова, рассмеялся, потому что решил, что Моисей пошутил.

Чем неожиданнее новость, тем больше времени требуется на ее осмысление, поэтому Моисей не стал торопиться. Дождался, пока все присутствующие убедятся, что они не спят наяву, и повторил:

– Мы повернем обратно и пойдем в Пи-Гахирот! Там будем ждать!

– Зачем нам идти в Пи-Гахирот? – спросил Аарон. – Или мы возвращаемся в Египет?

– Пусть фараон не думает, что мы бежим от него, страшась его могущества, – вот для чего мы идем в Пи-Гахирот! – ответил Моисей. – Сегодняшний день – знаменательный день! Народ наш проявил свою волю и прогнал слуг фараона, которые призывали его к покорности! Я бы предпочел обойтись без убийств, но сделанного уже не вернуть – что было, то было. Завтра на исходе дня соглядатаи фараона должны будут предстать перед ним, а мы в это время уже будем в Пи-Гахироте. Услышав то, что расскажут ему соглядатаи, фараон вознегодует и пожелает покарать нас. Гнев его будет силен и войско соберется быстро. Я думаю, что утром 20 нисана египтяне выступят и к середине дня 21 нисана придут в Пи-Гахирот, туда, где будем мы...

Никто не перебивал Моисея, никто не возражал ему, но во взглядах, устремленных на него, было столько искреннего недоумения, что Моисей испугался, как бы не набросились на него приближенные во главе с братом Аароном, не связали бы и не объявили бы безумцем. Только Осия, сын Нуна, и Элиуд, сын Авдона, молодой еврей из колена Завулонова, состоявший при Моисее в помощниках, смотрели на Моисея так же, как смотрели и всегда – с готовностью исполнить любое повеление.

– Я в здравом уме! – поспешно сказал Моисей. – И я понимаю, что говорю и что делаю. Мы идем в Пи-Гахирот, потому что это место самое подходящее для встречи с войском фараона! Мы могли бы пойти в другую сторону, продолжая удаляться от Египта, но мы движемся медленно, а колесницы фараона быстры. Нас все равно настигнут, но настигнут как беглецов и не в таком благоприятном месте, как Пи-Гахирот! Нет! Лучше мы встретимся с фараоном лицом к лицу, как равные, как превосходящие его, а не как трусливые беглецы! И если Всевышнему угодно, чтобы мы встретились, то пусть мы встретимся в Пи-Гахироте 21 нисана! Так будет хорошо для нас и плохо для них! Верьте мне, евреи! Я вывел вас из Египта для того, чтобы привести в Землю Обетованную, и я приведу вас туда! Верьте мне, уповайте на милость Господню, и будет вам благо!

Недоумения во взорах стало меньше, так убедительно говорил Моисей.

– Пи-Гахирот – это открытое место возле воды, – сказал военачальник Авенир, сын Этана, человек, искушенный в сражениях и не лишенный прозорливости. – Там нет ни одного укрытия. Там невозможно устроить засаду. Не в море же прятаться нашим воинам!

Сказав это, Авенир огляделся, словно ища поддержки у остальных, но никто не спешил его поддержать. Все притворились, что их внезапно заинтересовал узор ковра, на котором они сидели, и начали его рассматривать, чтобы не встре-

чаться взглядами ни с Моисеем, ни с Авениром.

– Мы не станем устраивать засаду, – сказал Моисей. – Мы просто будем стоять и ждать.

– Чего мы станем ждать? – не понял Авенир.

– Фараона с его войском! – терпеливо, как повторяют прописные истины неразумным детям, повторил Моисей.

Он не хотел говорить всего, потому что опасался, что его не поймут и станут смеяться, а вождь, над которым смеются, перестает быть вождем. И еще что-то было такое, что оставляло, шептало на ухо: «умолчи, лучше скажешь после». Этот шепот, непонятно чей и непонятно откуда, никогда не обманывал, и Моисей привык ему доверять.

– Они же перебьют нас всех! – стоял на своем Авенир.

– Ты говоришь, как женщина, а не как начальник над воинами! – воскликнул Осия, вскакивая на ноги и оборачиваясь к Авениру. – Кому мы позволим перебить нас?!

– Как будто кто-то будет спрашивать нашего разрешения! – возразил Авенир.

– В Пи-Гахироте встретим мы свою гибель! – поддержал его Нафанаил, сын Цуара, начальник колена Иссахарова.

– Моисей вывел нас из Египта! – напомнил Нахшон, сын Аминадава, глава колена Иегуды. – Еще вчера вы верили ему и превозносили его! Почему же не верите сейчас?!

Все поднялись, все заговорили с одинаковой горячностью, громко, одновременно. В шатре стало так шумно, что себя нельзя было услышать, не то чтобы соседа. Моисей тоже

встал и трижды хлопнул в ладоши, призывая людей замолчать, но никто не внял этому призыву. Тогда Моисей вышел из шатра. За ним последовали трое, не принимавшие участия в спорах, – Осия, Мардохей и Элиуд. Остальные же спорили друг с другом столь горячо и увлеченно, что не заметили, как вышел Моисей.

– Принеси мне шофар<sup>5</sup>! – сказал Моисей Элиуду.

Элиуд кивнул, ушел и тут же появился с шофаром из большого витого рога дикого козла. Моисей еще не успел толком рассмотреть, что творится вокруг, а люди, готовые к выступлению, еще не успели заметить, что Моисей вышел из шатра, как шофар был принесен. Имел Элиуд два достоинства, благодаря которым приблизил его к себе Моисей – цепкую память и быстроту в исполнении поручений. Ничего не забывал и не перевирал Элиуд, никогда не мешкал и не медлил.

Шофар лег в ладони приятной тяжестью. Это был старый, заслуженный шофар, принадлежавший многим поколениям. Нахшон, сын Аминадава, глава колена Иегуды принес его Моисею и утверждал, что когда-то из этого шофара извлекал звуки сам праотец Иаков.

«Господи, помоги мне осуществить задуманное!», мысленно попросил Моисей, поднося тонкий конец шофара к губам. Он набрал в грудь побольше воздуха и затрубил что было силы, дунул так, словно трубил последний раз в жиз-

---

<sup>5</sup> Шофар – еврейский духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного. В древности использовался для подачи сигналов обществу.

ни (а кому дано знать, делает он что-то в последний раз или же не в последний?). Звук получился чистейшим и громче громкого, казалось, что не на земле, посреди стана своего стоит Моисей, а трубит с неба и еще сто двадцать человек трубят вместе с ним. Шум в стане тотчас же стих, даже лошади не ударяли копытом, даже ослы не мычали. Умолкли и спорщики, они вышли из шатра и встали позади Моисея.

Протрубив столько, на сколько хватило сил, Моисей отдал шофар Элиуду, перевел дух и провозгласил:

– Мы идем в Пи-Гахирот, чтобы встретиться там с войском фараона, которое завтра выступит против нас! Бог наш с нами, и Он нас не оставит!

Начальники над коленами поспешили к своим людям. Возражений и вопросов не было. Очень скоро огромный стан снялся с места.

На сей раз шли упорядоченно, слаженно. Опыт первых дней не прошел зря. Люди немного привыкли, втянулись, сделали выводы из бестолковой суеты первых дней и поняли, что овец и коз лучше собрать вместе и гнать отдельно от выючных животных, что быстрые должны подлаживаться под медленных, и много чего еще поняли люди...

Утром 20 нисана, во вторник, когда войско во главе с фараоном Мернептахом выходило, чтобы преследовать евреев, в еврейском стане случилась новая беда. Колена Завулону, Гада и Асира лишились своих овец и коз. Падеж поразил их разом, выкосив всех за одну ночь. Животные лежали в лужах

крови, и морды их были испачканы кровью.

По стану тотчас же распространились слухи о том, что козы и овцы пали от моровой язвы, и о том, что этот падеж есть кара, насланная разгневанными египетскими богами. Нашлись такие, кто начал заговаривать о возвращении, называя жизнь в египетском рабстве «не такой уж и плохой». Моисей велел Аарону взять нескольких человек из числа преданных и красноречивых и пойти разговаривать с людьми, убеждая и увещевая их. Сам же взял с собой Элиуда, Осию, Мардохея, а также приближенного лекаря Нафана, сына Потифарова, сведущего не только в человеческих, но и в скотских болезнях, и отправился осматривать павших животных.

– Это не моровая язва, – сказал Нафан, едва увидев первую павшую овцу. – Это черная короста, которая поражает внутренности. Неизвестно откуда берется эта болезнь, но стоит заболеть одной овце, как вскоре падет все стадо. Для человека эта болезнь не опасна, но всех мертвых овец и коз надо сжечь, чтобы не было ущерба другим стадам...

– Сжечь?! – удивился Осия. – Откуда же нам здесь взять столько дерева?! Об этом ты подумал, Нафан?

– Уже подумал, – степенно ответил Нафан, сцепляя пальцы обеих рук на своем большом животе. – Можно закопать их, только поглубже, и не тянуть с этим...

Моисей посмотрел на Мардохея. Тот кивнул и ушел отдавать распоряжения.



– Неизвестно, откуда берется эта болезнь, – повторил Нафан, – но говорят, что ее приносит южным ветром. А еще доводилось мне слышать, что жрецы храма Анубиса<sup>6</sup> в Хордее могут вызывать черную коросту, пуская по ветру особую пыль...

– Каких только небылиц не рассказывают египтяне о своих богах! – скривился Осия, пренебрежительно махая рукой. – Особенно про собачьего Анубиса и Сета<sup>7</sup> любят они их рассказывать. Я думаю, что все дело в местном воздухе, насыщенном испарениями с моря. Не иначе, как в этих испарениях кроется что-то злобное.

– Может быть, и так, – поспешно согласился Нафан, не любивший споров. – А может, овцы и козы перегрелись на солнце.

– А может, это кто-то из оставшихся египтян вредит нам, – сказал Осия, глядя на Моисея. – Устами они могут соглашаться с нами и хвалить Господа нашего, а руками творить нам вред. Египтяне коварны. Пожалуй, надо заказать нашим резчикам деревянную статую Анубиса.

– Опомнись, Осия! – одернул его Моисей. – Зачем нам статуя мерзкого египетского божка?

– Затем, чтобы поставить ее перед египтянами, которые идут с нами, и сказать им: «Вот Анубис! Если вы уверовали в

---

<sup>6</sup> Анубис – в древнеегипетской мифологии бог – покровитель умерших. Изображался с головой шакала (собаки) и телом человека.

<sup>7</sup> Сет – в древнеегипетской мифологии бог ярости и войны.

Господа нашего, то подойдите и плюньте на Анубиса, чтобы видели все, что отреклись вы от мерзких богов ваших!».

– Ни один египтянин не сделает этого, если он верен своим богам! – поддержал Осию Нафан. – Много богов придумали себе египтяне, но Анубис – худший из них. Те, кто проявит к нему непочтительность, не обретут покоя даже в смерти... Ты хорошо придумал, Осия!

– Ты плохо придумал, Осия, – возразил Моисей. – Незачем осквернять наших резчиков такой просьбой, а наш народ таким зрелищем! И незачем напоминать тем, кто присоединился к нам, кем они были раньше. Что было, то прошло, и если прошлое у нас разное, то будущее одно! К тому же не забывай, что нет такого прегрешения, от которого не взялись бы очистить человека египетские жрецы по приказу фараона или за соответствующее подношение. Мы можем оттолкнуть от себя верных и не найти неверного. И не думайте, что фараон и его слуги настолько глупы, чтобы подсылать вредить нам кого-то в обличье египтянина, на которого думают в первую очередь. Они скорее подкупят или запугают какого-нибудь еврея, не вызывающего подозрений у остальных.

– Нет таких среди нас! – убежденно сказал Осия, сверкая своими большими глазами. – Нет, потому что не может быть!

## Глава 3

### Погоня

Войско фараона пришло в Пи-Гахирот перед закатом солнца, но пыль, поднятую им, наблюдатели углядели вскоре после полудня.

– Нам надо сменить место! – беспокоились начальники колен и те, кто командовал воинами. – Зачем мы встали у самого моря? Зачем загоняем себя в ловушку? Здесь египтяне окружают нас и перебьют! Нас же не малая горстка, чтобы могли мы спрятаться в зарослях тростника!

Тростник здесь рос густо, но все равно больше сотни человек спрятаться в нем не могло.

– Как бы мы ни встали и куда бы мы ни побежали, от колесниц нам не убежать, – отвечал Моисей. – Останемся там, где стояли.

Нет ничего страшнее колесниц в египетском войске, потому что быстры они и велика их мощь. Кони сметают с пути все препятствия, подминают и топчут, а воины сначала осыпают стрелами издалека, а вблизи рубят мечами. Там, где проходят колесницы, живых обычно не остается.

В отличие от отца и деда, Мернептах мало понимал в военном деле и привык полагаться только на силу. Искусство побеждать при помощи хитроумных планов было ему недо-

ступно. Моисей не сомневался, что фараон выйдет на него со всем своим войском, за исключением той части, которая охраняет границы Египта от нападения чужеземцев. А это около шестисот колесниц, пятьдесят тысяч всадников и не менее двухсот тысяч пеших воинов – гвардия, лучники и копейщики. Гвардейцев всего тридцать тысяч, но в бою каждый из них стоит троих, если не четверых, настолько они сильны, ловки и свирепы.

О том, чтобы сразиться с египтянами, не могло быть и речи – это означало верную гибель. О том, чтобы убежать, речи тоже не было – огромный караван не может убежать от регулярного войска, скорость не та. Да и сколько можно бегать – день, два, три? И как вообще можно изжить в себе рабство, если убегаешь и ждешь, трепеща, что вот-вот нагрянут египтяне?

Только бы ветер не ослаб и не изменил бы направления... И не лишился бы фараон в гневе остатков своего благоразумия...

Ветер пока что не разочаровывал – продолжал дуть с востока и не ослабевал, а усиливался. Что же касается фараона, то тут оставалось только уповать и надеяться.

– Не ждем ли мы каких-то кораблей? – спросил казначей Манассия, сын Элона, тощий, сутулый, похожий на букву «ламед»<sup>8</sup>.

В вопросе его Моисей услышал нехороший намек и раз-

---

<sup>8</sup> ♪ так выглядит бува «ламед».

гневался на хитроумного казначея.

– Какие могут быть корабли?! – спросил он. – И сколько их должно быть, чтобы уплыли все?! И кто приплывет спасать нас?! Хананеяне?!

Говорили с глазу на глаз, в шатре. Манассия испугался, что громкий голос Моисея будет услышан кем-то вне шатра, и поспешил повиниться:

– Я сказал глупость, подумав, что нет другой пользы от моря, кроме как уплыть на лодке или корабле...

– От моря бывает разная польза! – сухо сказал Моисей, которому не нравились привычки Манассии к намекам, недомолвкам и оправданиям.

Вскоре после ухода Манассии пришел Элиуд и рассказал, что люди волнуются и ропщут.

– Есть такие, что кричат: «Побьем Моисея камнями за то, что он оторвал нас от домов наших и привел на верную гибель», – Элиуд покачал головой, выражая свое неодобрение столь вопиющей неблагодарности. – А некоторые сказали, что пойдут молиться в храм Осириса, чтобы он взял их под свое покровительство – и ушли! Военачальник Савей хотел пуститься за ними в погоню, но Нахшон остановил его, сказав: «пусть идут».

– Правильно сказал Нахшон, – одобрил Моисей поступок главы колена Иегуды. – Поистине, из всех начальников колен он самый разумный.

– А Савей самый рьяный из всех военачальников, – заме-

тил Элиуд.

Моисей поморщился. Элиуд намекал на то, что жена Савея была египтянкой. Она обратилась в веру своего мужа и последовала за ним в изгнание, но Савея когда в шутку, а когда и всерьез, попрекали этим браком. «Дети принадлежат народу матери, родившей их, – говорили ему, – так зачем тебе умножать число египтян?» Моисей хорошо понимал, что чувствовал Савей, слыша такие слова. Сам он после того, как убил надсмотрщика-египтянина и бежал из Египта, некоторое время жил в стране Куш<sup>9</sup>, где женился на дочери тамошнего правителя Фарбис и некоторое время жил с ней. Женился Моисей не по доброй воле, а по принуждению, рискуя в случае отказа лишиться расположения правителя Кукиноса, отца Фарбис, а этого расположения чаще всего лишались вместе с жизнью. Принуждение не порождает приязни, пришел день, и Моисей оставил Фарбис. Он уже бы забыл о ней, если бы брат Аарон и сестра Мариам не попрекали бы его этим браком. «Как ты мог делить ложе с кушиткой!» – восклицали они, укоризненно качая головами. «Случилось так, что у меня не было другого выхода», – отвечал Моисей.

У воспоминаний такое свойство – одно тянет за собой другое. «А ведь сегодня ровно год с того дня, как я ушел от мадиан и вернулся в Египет. Целый год прошел...»

Фараон поступил так, как и ожидал Моисей – пришел и встал так, что евреям некуда было уйти (разве что обернуть-

---

<sup>9</sup> Современная Эфиопия.

ся птицами и полететь над скалами, разве что обернуться рыбами и уплыть в море), но нападать не спешил. Зачем нападать, если положение у евреев безвыходное? Зачем убивать своих собственных рабов, если у них нет другого выхода, кроме как покориться? Пусть евреи вернутся и дальше приносят пользу фараону и Египту! Ну, а если они не покорятся, тогда будут уничтожены...

Строй колесниц выглядел устрашающе. Боевые лошади приучены к порядку. В ожидании команды погонщика, они стоят смирно, не перебирая ногами и не подавая голоса, стоят, как изваяния, и веет от них равнодушием смерти. Воины у фараона тоже выучены стоять, не нарушая строя. В правой руке копье или топор, в левой – щит, на ногах – кожаные сандалии с толстой подошвой, чтобы не обжигать ноги о раскаленный песок, а в глазах – готовность убивать, сколько потребуется.

Чтобы показать, что он никуда не торопится, фараон велел разбить лагерь. Если присмотреться, то за рядами простых шатров можно было разглядеть красную полосу – то был шатер самого фараона, откуда он руководил своим войском.

Выходя в поход, войско фараона брало с собой запасов еды самое меньшее на шесть дней. Фараон мог ждать несколько дней. Как предполагал Моисей, сначала – сегодня и завтра с утра – фараон будет ждать прихода посланцев от евреев с мольбой о прощении. Если не дождется, то сам при-

шлет кого-нибудь с обещанием помилования раскаявшимся. Если евреи и после этого не одумаются – ударит.

Фараон мог рассчитывать на то, что впереди у него много дней. Моисей же рассчитывал на сегодняшний вечер и восточный ветер. Предсказывать погоду он научился в стране Куш, даже не столько предсказывать, сколько чувствовать и понимать. Добавив к этому свой острый ум, Моисей надеялся не победить и не разбить фараона, а погубить его вместе со всем войском, чтобы не было больше евреям никакого зла от египтян. Народу придется долго жить в пустыне, пока не очистится он от скверны рабства и не станет достоин войти в Землю Обетованную. Нельзя жить в постоянном страхе перед египтянами. Этому страху надо положить конец сегодня же! С Божьей помощью!

Еврейский стан гудел ровным негромким шумом. Время от времени где-то кричали, но недолго. Колено Эфраимово выставило перед египтянами воинов, оставив в лагере только тех, которые охраняли саркофаг с мощами Иосифа. В сравнении с египтянами, еврейских воинов было немного, но зато на их лицах была написана решимость стоять насмерть и разить врага без пощады.

Незадолго до заката к Моисею пришли военачальники, начальники над коленами и брат Аарон. Среди военачальников пока еще не был выбран главный, которому бы подчинялись остальные. Главным над всеми был Моисей. Сам Моисей уже думал о том, кого он поставит над войском, и почти



принял решение, но пока не оглашал его, отложив это до победы над египтянами.

В том, что египтяне будут побеждены, Моисей не сомневался. Не затем Бог призвал его, не затем Он вывел евреев из Египта, чтобы погубить всех здесь, в Пи-Гахироте. И уж совсем не для этого подсказал Он Моисею чудесный план спасения.

– Даже ветер сегодня на стороне фараона, – проворчал Авенир, сын Этана, – дует так, будто хочет сдуть нас в море. И скалы ему не преграда, настолько он силен!

Ветер действительно был силен и продолжал усиливаться. Стены шатра Моисея трепетали, а сам шатер, казалось, вот-вот унесет. Ветер подхватывал песок и разбрасывал его. Песок скрипел на зубах, сыпался из волос, набивался в бороды. Песок был везде, и он досаждал невероятно, отчего люди, и без того возбужденные, теряли контроль над собой и начинали спорить друг с другом из-за каких-то мелочей. Хорошо, что всегда находился рядом кто-то благоразумный, миривший спорщиков, чтобы ссора их, подобно пламени, возникающему из искры, не охватила весь стан.

Люди пришли к Моисею с предложением.

– Можно сделать так, – начал Осия, переглянувшись с остальными. – Полторы сотни воинов из тех, что умеют хорошо плавать, доплывут до египтян и в предрассветный час ударят им в тыл, производя невероятный шум. Египтяне решат, что неведомый враг атакует их и обратятся против него,

а мы в это время ударим по ним основными нашими силами. С Божьей помощью мы сможем победить, если...

– Никаких «если»! – покачал головой Моисей. – Поднимайте людей и идите к морю!

– Что мы станем делать? – нестройным хором спросили все.

– Если воды расступятся, то перейдем на другую сторону!

– Воды расступятся?! – удивились люди, а брат Аарон спросил:

– Может, нам стоило обойти море, если нам надо на другую сторону?

– Нам надо не только уйти, но надо еще, чтобы египтяне пошли за нами, – ответил Моисей и добавил: – Довольно спрашивать! Скоро вы увидите все своими глазами. Время дорого, а время, ветер и море сегодня наши главные союзники, спасители наши!

– Ничего не понимаю! – пожал плечами Авенир.

– Достаточно нам и того, что Моисей понимает! – сказал Нахшон, глава колена Иегуды. – Пойдемте же, поднимем людей и поведем их к морю!

Аарон задержался. Когда все ушли, он печально посмотрел на Моисея и сказал:

– Если я доживу до завтра, то буду восхвалять этот день, как судьбоносный!

– Давай помолимся Господу, – предложил Моисей. – У нас есть немного времени, так употребим же его с наилучшей

пользой...

Моисей не ожидал приветственных криков, но то, что кричали ему, ранило в самое сердце.

– Разве могилам нашим лучше быть здесь, в пустыне?!

– Оставь нас, Моисей, и мы станем служить египтянам, как служили прежде!

– Лучше нам работать на египтян, чем умереть в пустыне!

Хотелось зажать уши, чтобы не слышать этих слов, хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этих разгневанных лиц, и бежать, бежать, бежать как можно дальше от людей, которые не верят никому – ни Богу, ни вождям и начальникам, ни самим себе не верят, считая рабский удел предпочтительнее.

Хотелось убежать, но этого было нельзя.

«Господи! – взмолился Моисей. – Говорил же я Тебе, что не речист я и не убедительно сказанное мной для людей! Не верят они мне, как же я могу вести их?!»

Ветер вдруг усилился настолько, что начал ощутимо толкать Моисея в спину, как будто говорил: «Иди к морю и делай, что собирался!» Моисей убыстрил шаг, и те, кто шел с ним, начали отставать. Ропот в толпе стих, кричать никто не кричал, но смотрели люди недоверчиво. Смотрели и ждали. Те, кто расступался, давая Моисею пройти, делали это словно нехотя.

Ветер поднял клубы песка и пыли, которые закрыли собой заходящее солнце. Свет померк, но еще было довольно света для того, чтобы видеть, что происходит вокруг.

Подойдя к берегу, Моисей обернулся к народу и указал посохом на воду в том месте, где под действием ветра она словно делилась надвое.

– Здесь пойдем мы и дойдем до другого берега! – возвестил он.

Ветер из очень сильного стал поистине неистовым, и вода, не в силах противостоять его мощи, начала расступаться перед стоявшими на берегу людьми.

– Бог нам поможет! – крикнул Нахшон, сын Аминадава, бросаясь вперед и увлекая за собой остальных...

Воины, вставшие перед египтянами, стояли так до тех пор, пока не переправились через море все, кроме них. Тогда, повинувшись команде Осии, сына Нуна, развернулись они как один и побежали к морю.

Египтяне немного помедлили, потому что видно было плохо, тьма уже опустилась, да и, скорее всего, решили они, что евреи решили утопиться в море, предпочитая смерть возвращению в рабство. Когда же они увидели, что берег опустел и на месте еврейского стана остались только потухшие костровища, то устремились в погоню. Впереди всего войска мчались колесницы, и была среди них одна большая, изобилующая золотом и окруженная четырьмя колесницами поменьше, на которой преследовал евреев сам фараон Мернептах.

Увидев расступившиеся воды, египтяне смело двинулись дальше, рассудив, что там, где прошли презренные евреи,

они пройдут без помех. Но не тут-то было – внезапно засверкали молнии и с неба полил дождь. Тотчас же подсохший было ил, покрывавший дно морское, размок и стал чрезвычайно вязким. Вышло так, что войско вошло в море почти целиком и увязло в нем. Вдруг дождь усилился, а ветер в одночасье стих, и воды, разделенные надвое, поспешили соединиться, похоронив египтян под своей толщей. Уцелели лишь немногие – те, кто остался на берегу, еще не успев войти в море, и те, кому удалось выплыть. Ни одна лошадь не спаслась. Среди спасшихся оказался и фараон. Наглотавшись воды, он был без чувств, когда волны выбросили его тело на берег. Воины привели повелителя в чувство, соорудили из копий носилки для него и так несли до самого дворца. Фараон приказал пересчитать вернувшихся с ним воинов, старший писец насчитал четыре сотни с половиной...

Когда взошло солнце, евреи увидели позади себя ровную морскую гладь и чистый берег, на котором не было ни одного египтянина. Живые ушли, а мертвых навечно поглотило море.

Люди возносили хвалу Господу, благословляли Моисея, но эти благословения не радовали его сердце. Моисей уже успел узнать цену людского расположения и прекрасно понимал, что при каждой перемене обстоятельств в худшую сторону его будут проклинять, а при каждом повороте обратно – благословлять. Не стоит радоваться, когда благословляют и хвалят, не стоит огорчаться, когда проклинаяют. Главное –

превратить в жизнь волю Всевышнего, а Он вознаградит по заслугам.

– Восхваляю Господа! – запел Моисей, потому что не мог не запеть. – Воистину велик Он, Тот, кто вверг в море наших врагов! Господь мой – моя мощь! Господь мой – моя сила! Господь мой – мое спасенье! Господь мой – мой Бог! Господь мой ведет и хранит меня! Господь мой всемогущ – я прославляю Его!..

Ночью Моисею приснился фараон. Проклятый Мернептах с лицом, которое было чернее кушийского эбена, сидел на своем троне и гладил черную змею, свернувшуюся в кольца у него на коленях, на белой с золотыми прожилками ткани, обернутой вокруг бедер фараона. Вдруг змея подняла голову, посмотрела на Моисея своими немигающими глазами и зашипела, высунув жало.

«Фараону удалось спастись, и где-то среди нас есть его слуга, чья обязанность – вредить нам», – подумал Моисей, проснувшись.

# Глава 4

## Призвание

Удел не пристаёт к человеку намертво. Вот ты беглец, потом муж дочери правителя, потом ты пастух...

Овец приходилось пасти вынужденно – не ради заработка, а потому, что больше некому было их пасти. Иофор, тесть Моисея, был парией среди мадианитян, потому что отказался от служения мадианитянским идолам и стал исповедовать веру в единого Бога, имя которому Господь. За это мадианитяне стали насмехаться над ним, а увидев, что Иофор проявляет упорство в новой вере своей (а как не проявлять упорства пришедшему к истинной вере?), извергли его и его семью из народа. Иначе говоря, Иофора, его жену и семерых их дочерей подвергли остракизму. Никто из мадианитян не мог иметь с ними никаких дел, они считались отверженными и скверными. Никто не продавал им ничего, никто ничего не покупал у них, и никто не нанимался к ним в работники. Если они то, что добывали сами, одевались в одежды, которые же сами и шили из собственноручно сотканного полотна, а овец и коз приходилось пасти дочерям. Мало того, если они вели животных к колодцу, то поить их могли самыми последними, чтобы не создавать помех никому из «чистых» мадианитян.

Однажды дочери Иофора пришли к колодцу первыми,

но не успели они напоить овец своих, как появились пастухи-мадианитяне, которые не захотели дожидаться своей очереди, а стали грубо прогонять девушек, оскорбляя их и даже замахиваясь. В это время к колодцу подошел Моисей, шедший из Куша. Увидев, как грубияны обижают девушек, одна из которых сразу же пленила его сердце, Моисей хорошенько вздул пастухов и, опасаясь, что они могут причинить девушкам зло, проводил тех до дома.

Как можно было не проявить гостеприимства по отношению к спасителю? Моисея пригласили в скромное жилище, предложили разделить скромную трапезу, а потом уложили спать. Наутро Моисею предложили задержаться еще на день, чтобы отдохнуть с дороги как следует, а очень скоро праздновали его женитьбу на Ципоре<sup>10</sup>, похожей на маленькую веселую птичку. Кому теперь было пасти овец, как не Моисею, единственному зятю старика Иофора? Вот и пришлось пасти.

Гора Хорив, чье название означает пустое, бесплодное место, была названа так, потому что в Аравийской пустыне. Но на пологом восточном склоне горы росла трава, и было в году время, когда та трава наливалась соком и служила хорошей пищей для овец. Травы хватало на три седмицы, а потом она высыхала.

Это случилось 15 нисана 2447 года, ровно за год до исхода евреев из Египта. Моисей пригнал овец пасть и вдруг уви-

---

<sup>10</sup> Ципора в переводе с еврейского означает «птица».



дел, как неподалеку от него вдруг вспыхнул терновый куст. Куст горел ярким пламенем, хорошо видным даже при свете дня, под прямыми солнечными лучами, и невозможно было пройти мимо такого чуда, не подивившись на него.

Моисей подошел ближе и услышал голос, воззавший к нему из куста.

– Моисей, Моисей!

По тому, как звучал голос, было ясно, Кто это говорит. «Каков голос Бога?» – много раз спрашивали после у Моисея. «Он таков, что внимаешь ему не только ушами, но и сердцем и таков, что невозможно спутать его с другим голосом», – отвечал Моисей, но больше ничего сказать не мог, потому что не находил нужных слов.

Моисей шагнул вперед.

– Не приближайся более! – предостерег голос. – Сними сандалии, ведь место, где ты стоишь, свято. С тобой говорю Я – Бог твоих отцов, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова!

Моисей снял с ног сандалии и пал на колени. Куст вспыхнул столь ярким пламенем, что ему пришлось закрыть лицо руками, чтобы не ослепнуть. «Было ли тебе страшно?» – спрашивали Моисея после. «А кому бы не было страшно в моем положении?» – отвечал он вопросом на вопрос, и нельзя было придумать ответа лучше.

– Я вижу, как страдает народ Мой в Египте, – продолжал Господь, – и слышу, как он взывает ко Мне о помощи, ибо надсмотрщики из числа египтян притесняют его! Я знаю, как

измучен Мой народ, и Я сошел, чтобы избавить его от египтян, чтобы увести его из Египта в хорошую и обширную землю, текущую молоком и медом – в страну ханаанеев, хеттов, амореев, периззеев, хиввеев и евусеев. Велик стон сынов Израилевых, дошел до Меня их зов о помощи, и увидел Я, как угнетают их египтяне...

– Истинно так, – пролепетал Моисей, не отрывая рук от лица.

– Иди же! – повелел Господь. – Я отправляю тебя к фараону, чтобы увел ты из Египта Мой народ, сынов Израилевых!

– Кто я такой, чтобы пойти к фараону и увести сынов Израилевых из Египта?! – воскликнул Моисей, по-прежнему, избегая смотреть на пылающий куст, жар от которого становился все сильнее и сильнее.

– Я буду с тобой! – ответил Господь.

Моисей представил, как придет он к евреям, как скажет то, что должен сказать, а они станут смеяться над ним и не поверят.

– Вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Меня к вам послал Бог ваших отцов», – сказал он. – А если они спросят меня: «Как Его имя?», то что мне отвечать?

– Я тот, кто Я есть! – сказал Моисею Господь. – Так и отвечай сынам Израилевым: «Меня послал к вам Тот, чье имя – Яхве, Бог их отцов – Авраама, Исаака и Иакова. Это вечное имя Мое! Иди же и созови старейшин Израиля и передай им то, что слышал! Они послушают тебя и пойдут вместе с

тобою к фараону, и скажете вы ему: «Нам явился Господь, Бог евреев. Позволь нам уйти в пустыню, на три дня пути, и принести там жертву Господу, нашему Богу». Ведомо мне, что египетский царь станет вас удерживать, но Я занесу Свою руку над ним и сокрошу Египет невиданными доселе чудесами, и тогда он вас отпустит. Я сделаю так, что египтяне окажут вам милость, чтобы вы ушли из Египта не с пустыми руками. Вы уйдете из Египта с богатой добычей. Ваши женщины попросят у своих соседок серебро, золото и одежду, в которую вы нарядите своих сыновей и дочерей! Да будет так!

– А что, если мне не поверят и не станут слушать меня? – продолжал сомневаться Моисей, хорошо знавший недоверчивость своих соплеменников и их привычку подвергать все сомнению. – Что, если скажут мне: «Ты лжешь! Господь не являлся тебе!

– Что у тебя в руке? – спросил Господь.

– Посох, – ответил Моисей.

Он не помнил, как поднялся с колен, взял свой посох и стал смотреть на пылающий куст. Только вот закрывал лицо, стоя на коленях – и вот уже стоит на ногах и держит посох.

– Брось его на землю! – приказал Господь.

Моисей повиновался. Посох, упав на землю, тут же превратился в змею, которая, извиваясь, поползла к Моисею. Моисей, как он ни был удивлен, кинулся прочь от змеи.

– Протяни руку и возьми ее за хвост! – услышал он и повиновался.

Стоило Моисею схватить змею, как она снова превратилась в посох.

– Это для того, чтобы они поверили, что тебе и вправду явился Господь, Бог их отцов – Бог Авраама, Исаака и Иакова, – сказал Господь Моисею. – А теперь сунь руку за пазуху и вытащи ее!

Моисей сунул руку за пазуху и, когда вытащил, увидел, что рука побелела, пораженная проказой.

– Снова сунь руку за пазуху и вытащи ее! – велел ему Господь Моисей повиновался, а когда извлек руку, увидел ее снова здоровой, какой она и была.

– Если они тебе не поверят, если первое чудо их не убедит, то их убедит второе чудо, – сказал Господь. – Если же они не поверят ни тому ни другому чуду и не станут слушать тебя, то зачерпни воды из Нила и плесни на землю. Эта вода превратится в кровь! То будет третье чудо, которое убедит их!

Сомнения продолжали мучить Моисея. Теперь он начал сомневаться в себе, в своих качествах, в том, достоин ли он такого высокого поручения.

– О, Господь мой! – взмолился он. – Я не красноречив, и никогда не умел я говорить ладно! Даже сейчас, когда Ты говоришь со мною, я не красноречив и неискусен в слове!

– Кто дал человеку уста? – спросил Господь. – Кто делает немым или глухим? Кто делает зрячим или слепым? Я, Господь, делаю! Так иди же, Моисей! Я буду с тобой, когда ты станешь говорить, и Я Сам научу тебя, что сказать!

– О, Господь мой! – настаивал Моисей. – Пошли кого-нибудь другого, кого пожелаешь!

– А твой брат, Аарон-левит? Я знаю, что он умеет говорить! – сказал Моисею Господь. – Знай же, что он уже идет тебя встречать и скоро он увидит тебя и обрадуется! Ты объяснишь ему все и передашь то, что надо будет сказать ему. И Сам Я буду с вами, когда вы станете говорить, Сам Я научу вас, что надо вам делать. Аарон станет говорить с народом вместо тебя и станет твоими устами, а ты будешь его богом! Возвращайся в Египет и возьми с собою этот посох, с помощью которого ты будешь творить чудеса! Знай же, Моисей, что те, кто хотел убить тебя, уже умерли! Я дал тебе силу творить чудеса. Когда ты вернешься в Египет, то сотвори все эти чудеса перед фараоном. Я заставлю фараона упорствовать, и он вас непустит. Тогда ты скажешь ему: «Господь говорит: Израиль – это Мой сын, Мой первенец. Я велел тебе:пусти Моего сына совершить служение Мне, а ты непустил! За это Я убью твоего сына-первенца!»

– Я исполню все, что Ты повелел мне, Господи! – сказал Моисей.

Куст ярко вспыхнул и погас. Моисей отошел от священного места, обулся и погнал овец на водопой.

Вернувшись домой, он сказал своему тестю, что хочет отправиться в Египет. «Ступай с миром», – ответил тесть, и Моисей ушел.

К жене, ее родителям и ее сестрам Моисей относился с

великой приязнью, а остальных мадианитян ненавидел, потому что не видел от них добра, только одно лишь зло. И семье тестя его не было добра от мадианитян. Много позже послал Моисей войско против мадианитян. Воины истребили всех мадианитян мужеского пола, убили пятерых царей мадиамских, а женщин и детей взяли в плен. Так поступил Моисей с мадианитянами.

# Глава 5

## Пожар

Если кто стал вождем (по своей воле или нет), тому никогда не будет покоя. Избавишься от большой проблемы – утонешь в сотне мелких, а пока станешь разбираться с ними, незаметно подкрадется очередная большая проблема.

Моисею доводилось жить при дворе фараона и при дворе правителя Куша. Он видел много людей, облеченных властью, разговаривал с ними, многое подмечал и прекрасно понимал, что любая власть есть не только великая сила, но и великое бремя. Это только кажется, что фараон или любой другой правитель может делать все, что ему вздумается. На самом деле множество обстоятельств обуздывают волю фараона, вынуждая его делать то и не делать этого. И эти обстоятельства таковы, что ими нельзя пренебречь, с ними непременно следует считаться.

От моря уходили быстро и шли легко, несмотря на то что шли по безлюдной пустыне под палящим солнцем. К солнцу людям было не привыкать – в Египте они постоянно трудились под ним. Рабам, делающим кирпичи для строительства из глины и соломы и строящим из этих кирпичей (а именно этим занимались евреи в Египте), не полагалось навесов, дающих прохладу, и слуг с опахалами.

На быстроте передвижения сказывалось и общее воодушевление. По примеру Моисея многие пели хвалебные песни Господу или же просто играли на барабанах и бубнах, ликуя и веселясь. Моисей тоже не остался без похвал.

– Нас ведет Моисей – достойнейший из евреев! – кричали ему одни.

– Хвала Моисею, который спас нас и погубил египтян! – вторили им другие.

– Вот Моисей – спаситель наш!

– Слава Моисею! Слава!

«Уж не вы ли, добрые люди, собирались вчера побить меня камнями?» – хотелось спросить Моисею, когда он слышал славословия и похвалы в свой адрес.

Хотелось – но он не спрашивал. И не держал на людей зла, потому что нельзя держать зла на тех, за кого ты в ответе перед Господом, и потому что понимал, что такими, какие они есть, сделало людей рабство. Рабство страшно тем, что лишает человека надежды, и еще тем, что опускает его до положения животного, чьи интересы не простираются дальше еды и отдыха. А чего еще можно желать, если ты раб, если ты не принадлежишь себе и над тобой поставлен надсмотрщик? Сколько бы ты ни работал, плодами твоего труда воспользуются другие. Сколько бы ты ни надеялся, надеждам твоим не суждено сбыться. Как ни мечтай изменить свой удел – ничего не изменишь. Оттого-то рабы недоверчивы, переменчивы в своих чаяниях и пристрастиях и больше ценят сиюминут-



ное благо, а не то, что ждет их в будущем, пусть даже это будущее благо будет несопоставимо большим.

«Долго придется нам блуждать по пустыне, пока не обречем мы то, что утратили, и не восстановим то, что было разрушено, – думал Моисей, глядя на народ свой. – Не на месяцы, на годы пойдет счет нашим скитаниям, и далеко не все из покинувших Египет сподобятся войти в Землю Обетованную. Может случиться так, что и я не достигну ее...»

Стояние у моря и переход через него отняли много сил, поэтому Моисей решил сегодня остановиться на ночлег сразу же, как зайдет солнце. Пусть люди отпразднуют свое освобождение из-под власти египтян. Уход из Египта был только началом его, теперь же нет больше фараонова войска. И даже если фараон спасся (как можно было вывести из сна), то ему больше нет дела до отмщения евреям. Скоро все – и хетты, и ассирийцы, и кочевники пустыни, и правитель Куша – узнают о том, что фараон лишился своего войска. Они тут же припомнят старые обиды или придумают новые, чтобы прийти и поживиться за счет ослабшего Египта. Вот о чем должен думать сейчас Мернептах...

Среди евреев тоже были такие, кто предлагал повернуть обратно и напасть на Египет.

– Те дары, что дали нам египтяне, скудны и ничтожны, – говорили они, забыв о том, как радовались этим дарам совсем недавно. – Мы вправе получить больше, и мы получим это, если сейчас воспользуемся случаем и пойдем на Египет,

оставшийся без фараона и без армии.

Эти разговоры начались сразу же после того, как люди остановились на ночлег. Отдых способствует общению, один сказал, другой подхватил, и вот уже говорят повсюду.

Хуже всего, что так говорили и двое из сыновей Аарона – Надав и Авиуд. Оба они не отличались ни умом, ни сыновней почтительностью и с младых ногтей привыкли поступать так, как им хочется. Вот сейчас им захотелось богатств Египта и казны фараона и они собрали тех, кто выступал за нападение на обезглавленный Египет, и стали кричать:

– Не след упускать то, что само плывет к нам в руки! Идемте же и нападём на Египет!

Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова, услышав это, стал стыдить Надава и Авиуда.

– Когда говорят другие, то это просто слова, которые говорят люди, – сказал он им. – Вы же – сыновья Аарона, племянники Моисея. Ваши слова обладают тысячекратно большим убеждением, поскольку, слушая вас, люди думают: «Сыновья Аарона не скажут против отца своего и брата его Моисея», и верят вам, и готовятся идти за вами! Как вы можете гневить Господа, который вывел нас из Египта и даровал нам чудесное избавление от преследования фараонова? Разве для того сделал Он это, чтобы пошли мы на разграбление Египта?! Как вы можете так поступать?! Если вам не дорого свое достоинство, так подумайте о достоинстве отца вашего и дяди вашего!

– Мы высоко ценим свое достоинство! – по обыкновению дерзко ответил на это Надав. – И не тебе учить нас тому, что мы должны делать, а что не должны!

Воины из колена Завулонова, сопровождавшие Элиава, вознегодовали, нашлись такие, кто встал на сторону Надава с Авиудом, и, если бы не выдержка Элиава, дело дошло бы до открытого противоборства. Но Элиав, видя, как сверкают гневом глаза его воинов и как дерзко смотрят сыновья Аарона, ушел и направился прямо к Моисею, чтобы рассказать ему о случившемся.

Моисей, не медля, призвал к себе Надава и Авиуда. Чувствуя недоброе, те попытались найти защиты у отца своего, но тот отчитал их за легкомыслие и, придя к Моисею вместе с ними, сказал:

– Поступай, как знаешь, брат мой, и не обращай внимания на то, что перед тобой мои сыновья. Для того, чтобы не впадал я в гордыню, говоря: «Как славен род мой!», Господь послал мне двух плохих сыновей и двух хороших, смотреть на которых и говорить с которыми мне в радость. Те же, что стоят перед тобой – из числа плохих и непочтительных! Если хочешь – изгони их, пусть уйдут и делают что хотят!

– Сегодня прогоним одних, завтра прогоним других, – ответил на это Моисей, – так с кем же придем в Землю Обетованную? Я не хочу сегодня никого наказывать и спрашивать ни с кого не хочу. Идите к людям и скажите им: «Неправы были мы, когда призывали вас идти грабить Египет! Все-

вышний направил нас по другому пути, и мы должны следовать ему! И повинитесь перед благородным Элиавом, которого вы незаслуженно обидели.

– Это он попытался нанести ущерб нашему достоинству... – начал было Авиуд, приободрившись, но Моисей гневно перебил его:

– Элиав пытался сохранить как ваше, так и наше с братом достоинство, потому и поступил так! Идите и сделайте, как я велел сделать, ибо терпение мое не безгранично!

Племянники поклонились, выражая покорность, и ушли. Аарон остался и сказал брату:

– Некоторые сегодня говорили так: «Моисей воспитывался при дворе фараона, и оттого он больше египтянин, нежели еврей, поэтому не хочет воспользоваться он теми выгодами, которые дает гибель фараонова войска». А другие говорили: «Моисей сошел с ума от радости и не понимает, какие выгоды упускает он, отказываясь напасть на Египет сейчас». Такие слова могут посеять смуту, брат мой.

– Могут! – согласился Моисей. – Люди не понимают или не хотят понимать, что нападение на Египет есть гибель для нас! Египтян много больше, и тех войск, что остались у них, с лихвой хватит для того, чтобы расправиться с нами! Разве могу я рисковать народом своим ради добычи? Разве могу я пойти против воли Господней?! Он сказал мне: «Вы уйдите из Египта с богатой добычей», но не сказал: «Вы уйдете из Египта, а после вернетесь туда за добычей!» Возвраще-

ние в Египет есть наша гибель, разве ты не понимаешь этого, Аарон?!

– Я понимаю, – тихо ответил брат. – И тот, кто тайно подстрекает людей, понимает это лучше моего. Мы ушли от опасности, а он хочет вернуть нас к ней.

– Ты думаешь, что среди нас есть подстрекатель? – нахмурился Моисей. – А есть ли у тебя основания думать так?

– Оснований нет, но есть у меня чувство... – Аарон посмотрел вверх, на звезды в ночном небе, кусочек которого был виден в отверстии, устроенном в крыше шатра для доступа свежего воздуха. – И есть предчувствие того, что это подстрекательство не последнее, и как бы не было нам другого какого вреда. Надо бы присмотреться к людям повнимательнее...

Предчувствие не обмануло Аарона. Посреди ночи вдруг загорелись шатры и повозки в той части стана, где стояло колено Завулоново. Никто не понял, откуда взялся огонь и что загорелось первым, но ущерб от пожара оказался изрядным – сорок два человека получили ожоги, и около двухсот семей лишились своего имущества. И утром уже шептались о том, что якобы Бог, разгневавшись на то, что Элиав выступает против возвращения в Египет, поразил молнией стан колена Завулонова.

– Элиав не угоден Господу и не может быть в числе старейшин, – говорили одни.

– Надо повернуть в Египет, пока не поздно, и наложить

руку на имущество египтян! – говорили другие. – Если мы будем медлить, то хетты или кочевники воспользуются случаем и заберут все себе!

Аарон с некоторыми другими левитами и начальниками колен начал увещевать народ, объясняя опасность возвращения в Египет и вред подобных подстрекательств. Это потребовало времени, поэтому в путь тронулись уже ближе к полудню. Моисей же поручил Элиуду выяснить, где были и чем занимались этой ночью Надав и Авиуд.

– Сделай это очень осторожно, – сказал он. – Не спрашивай прямо, чтобы не вызвать кривотолков и подозрений, но узнай. Я знаю, что ты приметлив, осмотрителен и ум у тебя цепкий.

– Исполню все, как велено, – ответил Элиуд, сияя от похвалы Моисея.

Он, конечно же, догадался, почему вдруг Моисей заинтересовался делами своих племянников. Все знали о пожаре в колене Завулоновом, и все знали о вчерашней стычке между Элиавом и сыновьями Аарона. Даже человек, скудный умом, мог бы связать оба события воедино, и Моисей не сомневался в том, что многие именно так их и связывали.

Элиуд появился после полудня. Подъехал на своей неказистой, но выносливой хеттской лошадке и сообщил, что Надав и Авиуд всю ночь провели в шатре у Нафтали, сына Иафета из колена Рувимова. Нафтали, происходивший из числа именитых людей, любил пить вино в веселой компании и

не мог не отметить такого события, как спасение от преследования войском фараона.

— Кроме Нафтали, Надава и Авиуда, было еще восемь человек гостей, — доложил Элиуд, — и я поговорил с пятью из них. А еще я поговорил с музыкантами и танцовщицами, которых пригласил Нафтали, и с его слугами, которые подавали пирующим вино и яства...

— Когда ты успел?! — восхищенно воскликнул Моисей.

— Кто умеет — делает быстро, — скромно ответил Элиуд со всем свойственным молодости тщеславием. — К тому же я ни с кем не разговаривал долго. Придумал, что срочно разыскиваю лекаря Нафана, и переходил от одного собеседника к другому. Мало кто знает, что достойный Нафан вчера перелез на ночь и теперь лежит в своей повозке на ложе, набитом целебными сушеными травами, так что это хороший предлог...

Моисей одобрительно кивнул, предлог и впрямь был хорош. С одной стороны, мало кто знает, что Нафан в очередной раз страдает от обжорства, потому что страдает он тихо, в уединении закрытой повозки. И правильно делает, потому что когда люди видят больного лекаря, они думают: «как он может лечить других, если самого себя вылечить не может?» и не обращаются к нему. С другой стороны, никогда не известно, куда, к кому из заболевших могли позвать Нафана, и срочная потребность в нем возникает часто. Молодец Элиуд, сметлив он.

– Все, как один, подтвердили, что Надав с Авиудом с самого начала стали пить вино с великой охотой и очень скоро сделались пьяны настолько, что даже по нужде не могли выйти без сопровождения. Потом же они легли там, где сидели, и заснули, а добрый хозяин не стал их будить, только велел слугам подложить им под головы подушки и накрыть их покрывалами. И все видели, как они спали, а слуги даже спотыкались об их тела. Достаточно и сейчас взглянуть на их лица, чтобы понять, как были пьяны они ночью. С учетом того, что шатер Нафтали находился далеко от того места, где ночью произошел пожар...

Элиуд оборвал себя, не договорив, потому что понял, что сказал лишнее. Никто не поручал ему делать выводы, Моисей только попросил собрать сведения.

– Благодарю тебя, Элиуд, – сказал Моисей, пряча улыбку в бороде.

Элиуд поклонился, огладил рукой свою бороду, пока еще не настолько густую, как ему, наверное, хотелось, и отъехал назад.

«Это не они, – подумал Моисей с облегчением. – Но это и не случайность. Аарон прав – среди нас есть враг, и сейчас фараон, если он только в самом деле спасся, может возлагать надежды только на него, на своего слугу, соглядатая и вредителя. Один человек может сделать то, чего не сделает целое войско. Если чинить вред умно и умно же распространять слухи, то можно погубить всех нас, можно сделать так, что



мы сами себя погубим...»

## Глава 6

### Старший брат

У Амрама и Иохаведы из колена Левия было трое детей – старшая дочь Мариам и сыновья, Аарон и Моисей. Аарон был старше – он родился тремя годами раньше Моисея, и участь его оказалась более счастливой, потому что он мог расти там, где родился – в доме своих родителей.

\* \* \*

Дело в том, что за несколько месяцев до рождения Моисея (он тогда еще и зачат не был), фараону Рамсесу II приснился сон. Увидел фараон в нем себя, восседающим на троне, а перед собой увидел незнакомого старика, державшего в левой руке огромные весы. Старик положил на одну чашу весов фараона и всех приближенных к нему сановников, вместе со жрецами, а на другую – одного ягненка, и увидел Рамсес, что ягненок перевесил, хотя так не могло быть. Истолковать удивительный сон фараону помог придворный мудрец по имени Билам. «О, божественный фараон! – воскликнул он. – Ягненок обозначает народ еврейский, народ пастухов! А из сна следует, что евреи принесут Египту гибель, вот что выходит из этого сна!» Придворный астролог добавил к сказанному

Биламом, что звезды сообщили ему о грядущем рождении в земле Гесемской младенца мужского пола, который принесет Египту великие несчастья.

Фараон испугался и повелел бросать в Нил всех новорожденных мальчиков. Астролог не смог сказать, у египтян или у евреев родится младенец, несущий гибель Египту, поэтому топили всех. Иохаведа родила Моисея втайне ото всех, даже повитуху не приглашала, роды пришлось принимать сестре Моисея Мариам. Три месяца мать скрывала мальчика, появившегося на свет без крайней плоти, что было расценено как добрый знак, отметина избранных. В течение трех месяцев скрывала Иохаведа новорожденного сына, а когда это стало уже невозможным, придумала хитрость ради его спасения.

Она взяла корзину, сплетенную из тростника, положила в нее Моисея и оставила в тростниковых зарослях на берегу Нила, там, куда каждое утро приходила купаться дочь фараона Фермуфис. Мариам же, по указанию матери, спряталась неподалеку и наблюдала за корзиной, в которой лежал ее брат.

Материнская хитрость удалась – дочь фараона увидела Моисея, пожалела его и пожелала принять участие в его судьбе. Мариам же, якобы случайно оказавшаяся в том месте, сказала, что может привести кормилицу для ребенка, и привела свою мать. Так Моисей стал приемным сыном дочери фараона, что избавило его от страшной участи быть бро-

шенным в Нил, и в то же время вернулся к своей матери. Иохаведа была дочерью Левия, сына праотца Иакова, и славилась не только своей красотой, но и своим умом. А еще Иохаведа обладала даром убедительной речи, когда она говорила, все соглашались с ней.

Красоту матери унаследовала Мариам, ни Аарона, ни Моисея нельзя было назвать красавцами, хотя они и были приятны обликом. Считалось, что к Аарону перешло материнское красноречие, а вот остроумие ума ее в полной мере унаследовал Моисей (хотя и Аарон, и Мариам тоже были умны). Сам же Моисей считал, что брат умнее его самого. Хотя бы потому, что Аарон умел уступать там, где Моисей настаивал, и часто кротостью и убеждением добивался много большего, чем можно было бы добиться твердостью и принуждением. А еще Аарон превосходно разбирался в людях, казалось, что он умеет читать в сердцах, как в раскрытой книге. И был он самым справедливым из всех, кого знал Моисей и сдержанным в суждениях. С кем еще можно было поделиться Моисею своими подозрениями, как не с Аароном? Взять хотя бы Осию, сына Нуна из колена Эфраимова. Он верный, надежный, из тех, кто никогда не предаст, он умен, но сдержанности ему недостает. Этот недостаток проходит с годами, по мере накопления жизненного опыта, но для обсуждения столь деликатной темы, как подозрения в отношении видных людей Израиля, Осия не годился. Не утерпит он и непременно начнет обличать кого-то прилюдно, еще не имея для того

веских оснований... Каждый человек хорош на своем месте, и не было для Моисея лучшего советчика, чем брат Аарон.

Разговаривали братья в шатре Моисея, после вечерней молитвы, когда стан начал уже засыпать. У входа в шатер Моисей поставил Элиуда, наказав ему отвечать всем, что Моисей устал и уже лег спать, а если уж кто-то придет с по-настоящему важным делом, то пропускать. Важные дела не терпят отлагательств.

– Я думал об этом, – сказал Аарон, едва только Моисей изложил суть дела, – думал и присматривался к людям, просеивая их через сито моего разума. Я исходил из того, что это должен быть не засланный соглядатай, выдающий себя за еврея, а предатель из нашего народа. Ненастоящий еврей будет очень скоро разоблачен, потому что ни одно колено, ни один род не признают его своим, да и многое из обычаев наших неведомо чужакам. Кроме того, человек фараона умен, мы уже успели в том убедиться, и должен обладать определенными возможностями. Простой пастух с такой миссией не справится...

– Ты говоришь верно, – кивнул Моисей. – Это кто-то из именитых людей или хотя бы из числа приближенных к ним. К тому же он должен быть хорошо осведомлен о наших делах...

– Именно так, – согласился Аарон. – Я просеял и отобрал пятерых, к которым мне бы хотелось присмотреться поближе. У тебя, наверное, тоже есть те, кого ты подозрева-

ешь?

– Есть, – признал Моисей, – только их трое. Кто из нас станет называть имена первым?

– У тебя три имени, а у меня – пять, – улыбнулся Аарон. – Если ты не имеешь ничего против, то начинай.

– Хорошо, – кивнул Моисей. – Но это только лишь подозрения и предположения, не более того... Знал бы ты, брат, как боюсь я оскорбить невинного ложным подозрением!

– Ради спасения целого народа можно принести и не такие жертвы, – вздохнул Аарон.

– Если оттолкнешь одного верного, то не останется верных у тебя, – возразил Моисей. – Но вернемся к тем, кого я подозреваю. В первую очередь это лекарь Нафан.

Назвав имя, Моисей замолчал, ожидая, что скажет брат.

– Он есть и среди тех, кого подозреваю я, – сказал Аарон. – Нафан был придворным лекарем фараона, пользовался его расположением. Ты сейчас скажешь, что ты тоже жил во дворце и считался приемным сыном дочери Рамсеса Второго, но ты доказал свою преданность нашему народу, а Нафан еще не успел этого сделать. Кроме того, живя при дворе фараона, Нафан придерживался египетских обычаев, посещал их храмы, водил дружбу с египтянами и всячески сторонился евреев. Удивительно, как он не сбрил бороду и не сменил имя, чтобы окончательно превратиться в египтянина!

– Не сбрил, потому что тогда бы все смеялись над ним – и евреи, и египтяне, – заметил Моисей. – Нафан умелый

лекарь, искусный в своем деле, но он не из числа надежных, на кого можно положиться, и потому я заподозрил его.

— Да, он таков, — кивнул Аарон. — Наши мнения о нем совпадают.

— Второй — Авенир, сын Этана, — продолжил Моисей и по взгляду брата понял, что и тому Авенир казался подозрительным. — Уж очень он завистлив, очень ревнив к чужому успеху. Ему непременно надо быть первым, надо обращать на себя всеобщее внимание, он привык к тому, что им восхищаются, и отсутствие восхищения воспринимает как страшную обиду.

— Тщеславен, завистлив и не так уж умен, чтобы стать первым среди начальников над воинами, — подвел итог Аарон. — Но он готов на все, лишь бы стать первым, и если бы я был фараоном, то непременно обратил бы свое внимание на Авенира. Я думаю, брат мой, что и третье имя окажется из числа тех, что входят в мой перечень.

— Это начальник над писцами Мардохей, — объявил Моисей и понял, что брат тоже подозревает Мардохея. — Он из богатого рода, но его пристрастие к роскоши превышает его возможности, и оттого Мардохей давно увяз в долгах. Мне известно, что он занимал крупные суммы у сидонских<sup>11</sup> ростовщиков.

Аарон понимающе кивнул. Сидонские ростовщики давали помногу, давали щедро, но под огромные, невыносимые

---

<sup>11</sup> Сидон — один из древнейших городов Финикии, крупный торговый центр.

проценты, а к неплатежеспособным должникам подсылали убийц-душителеев. Убийцы эти душили свои жертвы тонкой конопляной веревкой, крашеный в цвет крови, и оставляют ее на шее в назидание прочим. Оттого и вместо «будь ты проклят» говорят: «чтобы ты задолжал сидонцам!».

– Фараонам неведома истинная преданность, но они привыкли к той, что продается и покупается, – продолжал Моисей. – Есть услуги, за которые фараон согласится заплатить любую цену.

– Особенно сейчас, – сказал Аарон. – Давай я назову еще два имени. Первый – это казначей Манассия...

– Манассия?! – удивился Моисей, невольно повышая голос. – Что ты можешь знать о Манассии такого, что не знаю я, и почему ты подозреваешь его?!

– Манассия – тайный сладострастник, – Аарон осуждающе покачал головой. – Мне известно от верных людей о том, что живя в Египте, он регулярно навещался в храм рога-той Хатхор<sup>12</sup>, покровительницы блуда и блудливых. Сладострастники уязвимы, оставшись без привычного наслаждения они готовы на все, лишь бы обрести его вновь. Какая-нибудь искушенная в соблазнении жрица могла бы...

– Я понял тебя, – Моисей помолчал немного, думая о Манассии, и добавил: – Казначей в курсе всех наших дел, и на-

---

<sup>12</sup> *Хатхор* – в древнеегипетской мифологии богиня неба, любви, красоты и веселья. Почиталась в образе небесной коровы, изображалась в виде красивой женщины с рогами.



стоящих, и будущих. Выгодно фараону иметь такого соглядатая.

– К тому же у него под рукой наша общая казна, из которой можно брать понемногу при необходимости, и это не сразу заметят, – добавил Аарон.

Манассия стал казначеем по общему выбору старейшин, начальников над коленами и с одобрения Моисея. «Мы доверяем ему», – сказали старейшины. «Да будет так», – ответил Моисей, зная Манассию как одного из достойных представителей колена Данова.

– А пятый и последний – Савей, сын Ионы, начальник над воинами, – продолжал Аарон.

– Только ли потому, что жена Савея Изис – египтянка, подозреваешь ты его?! – нахмурился Моисей, и голос его обрел суровость, не столь уж и часто проявлявшуюся в разговорах с братом. – Подобно тому как вы с Мариам попрекаете меня...

– Нет! – воскликнул Аарон. – Не только поэтому, но еще и потому что Савей, такой решительный и суровый, в присутствии жены своей тает и превращается в мягкий воск. Не знаю чем, колдовством или женскими чарами, но она околдовала его и взяла в плен. Что скажет она, то Савей и делает. Его слуги рассказали об этом сыну моему Итамару, удивляясь тому, что жена может получить такую власть над мужем, а от Итамара узнал это я. И еще не стоит забывать, что братья Изис входят в число приближенных фараона. Самый

старший из них, ведающий сбором податей по всему Египту, удостоен почетного титула и называется «сыном фараона». Разве не могут братья передавать волю фараона Изис, а она...

– Ох! – вздохнул Моисей и покачал головой, давая понять, сколь тяжело даются ему подозрения.

– Возьми Нахшона, сына Аминадава, – начал перечислять Аарон, – или Нафанаила, сына Цуара, или Элиава, сына Хелона, или же Осию, сына Нуна... Кем бы ни были их жены, сколько бы ни задолжали они ростовщикам, сколь бы сластолюбивы они ни были, я никогда не заподозрю их в том, что способны они пойти против народа своего, потому что они не из таких и это все знают. Обе руки своих готов я отдать в залог их верности, такие это люди. Но есть и другие люди, те, чья верность не столь явно видна, и если что-то побуждает меня сомневаться в них, то я сомневаюсь. Но я говорю себе: «Подозревая пятерых, помни, что виновен среди них один» – и не спешу с выводами и обвинениями.

– Нам нужен помощник, кто-то, кто будет выполнять наши поручения и наблюдать за теми, о ком мы говорили, не привлекая к себе внимания, – сказал Моисей. – И никто не подойдет для этого дела лучше, чем Элиуд, сын Авдона, который сейчас стоит у входа в мой шатер.

– Не хотелось бы мне посвящать в это дело лишних людей, – сказал Аарон. – Это же дело такого свойства...

– Посвятим только одного, – ответил Моисей, – без кото-

рого не обойтись. Мы с тобой всегда на виду, и повсюду люди будут обращать на нас внимание. Нам не удастся пройти между людей без того, чтобы нас не заметили. А на Элиуда никто не обратит внимания. К тому же он из достойного, хоть и небогатого рода. Он умен и храбр, как и подобает еврею из колена Завулонова, а кроме того, умеет молчать о том, о чем надлежит молчать. Не далее, как сегодня, я в очередной раз испытал его в деле и остался доволен.

О том, какое именно дело было сегодня поручено Элиуду, Моисей предпочел умолчать. Зачем брату знать, что он подозревал его сыновей.

«Самый главный ущерб, наносимый тайным врагом, заключен в том, что он лишает людей взаимного доверия, – подумал Моисей, – а это очень плохо. Это очень страшно, когда исчезает доверие между людьми».

– К тому же мы с тобой смотрим на мир с высоты своего положения, а иногда очень полезно посмотреть снизу, глазами Элиуда, – привел последний довод Моисей.

– Будь по-твоему, – согласился Аарон.

Моисей крикнул Элиуду, чтобы тот вошел, и сказал, что хочет посвятить его в одну из самых важных тайн. Элиуд, польщенный таким доверием, приосанился, расправил плечи еще шире и поклялся хранить молчание. Тогда Моисей изложил ему суть дела и для начала поручил последить за лекарем Нафаном. Почему именно за Нафаном? С кого-то ведь надо начинать, да к тому же из всех пяти подозревае-

мых Нафан казался Моисею наиболее подозрительным.

Провожая брата, Моисей вышел из шатра и задержался для того, чтобы полюбоваться звездами, мерцающими в ночном небе, и сполна насладиться ночной прохладой. Аарон с Элиудом ушли, Моисей уже хотел вернуться в шатер, как вдруг увидел высокую женщину, закутанную в черное покрывало. Когда женщина приблизилась, он узнал в ней сестру и удивился.

– Мир тебе, Мариам! Какая нужда привела тебя ко мне в столь поздний час?!

# Глава 7

## Мариам

Сестре Моисей был сильно обязан.

Благодаря Мариам он появился на свет. Без преувеличения. Когда фараон Рамсес II приказал топить всех новорожденных мальчиков, отец и мать Моисея испугались того, что у них может родиться сын, обреченный на гибель. Двух детей – сына и дочери, нам достаточно, решили они и перестали делить ложе друг с другом.

Маленькая Мариам, которой тогда еще и семи лет не исполнилось, стала укорять своих родителей. В первую очередь укоряла отца, потому что решение исходило от него. Мариам кричала ему, заливаясь слезами, что он поступает по отношению к народу своему хуже, чем фараон, потому что фараон убивает только мальчиков, а отец, не делящий ложе с матерью, лишает народ и девочек тоже. А еще Мариам напороочила родителям, что родится у них сын, который освободит народ свой от египетского рабства. Неизвестно, что подействовало на отца больше – укоры или пророчество, но он изменил свое решение и стал снова делить ложе с женой своей. Вскоре после этого родился Моисей, который считал, что он появился на свет по воле трех человек – отца, матери и сестры своей Мариам.

Когда мать положила Моисея в корзину и оставила на берегу Нила, там, где имела обыкновение купаться дочь фараона, Мариам, спрятавшись в зарослях тростника, наблюдала за братом, чтобы с ним не случилось чего-то плохого, и она же присоветовала дочери фараона кормилицу для найденныша – свою мать.

Кроме того, у сестры всегда находилось для всех слово утешения, она была доброй женщиной, и муж ее, Калев, был хорошим человеком, добрым и незлобивым, а их сына Хура Моисей любил больше прочих своих племянников.

Сегодня Мариам была чем-то встревожена или рассержена. По выражению лица ее не всегда можно было догадаться, сердится она или же беспокоится – и в том, и в другом случае румянец на щеках становился густым, на переносице появлялась складка, а полные, красиво изогнутые губы сжимались так крепко, что казались тонкими.

От предложенного Моисеем угощения – сушеных фиников и медовых лепешек, испеченных в кипящем масле – Мариам отказалась, молча покачав головой.

– Разве ты разлюбила финики? – спросил Моисей.

– Нет, просто есть не хочется, – ответила сестра, опускаясь на подушки, еще хранившие тепло Аарона. – Поесть фиников я могла бы и у себя, незачем было для этого приходить к тебе ночью.

– В другой раз попроси кого-нибудь проводить тебя, – мягко сказал Моисей. – Не следует женщине в такое время

ходить по лагерю одной.

– От нашего шатра до твоего и ста шагов не будет, – Мариам пренебрежительно махнула рукой, давая понять, что ради столь короткого пути провожатый ей не нужен. – К тому же мы находимся среди своих, а не среди чужих!

\* \* \*

– Свои бывают разными, – сказал Моисей, все еще находясь под впечатлением от разговора с Аароном.

– Да, – кивнула Мариам, – разными. Садись же, Моисей, и садись рядом, потому что я не хочу говорить громко!

Моисей придвинул большую подушку к сестре и сел.

– Что за благовония используешь ты, Мариам? – спросил он, уловив тонкий запах, исходящий от сестры. – В них дым сочетается со сладостью, и пахнут они приятно.

– Их мне подарил Кaleb, – при упоминании мужа на лице Мариам мелькнула улыбка. – Сказал, что ни у кого нет таких благовоний и что теперь он сможет по запаху узнать меня из тысячи женщин. Ты же знаешь Калеба, он не может дня прожить без того, чтобы не сделать мне подарок.

– Есть ли у какой женщины муж лучше? – улыбнулся Моисей и тут же погрустнел, ощутив тоску по своей Ципоре.

Мариам же поняла так, что брат спешит поговорить о серьезном.

– Весь день сегодня мы пели хвалу Господу и играли на

литаврах, — сказала она, подразумевая под словом «мы» себя и еще нескольких подруг своих.

— Я слышал, — ответил Моисей. — Ехал и наслаждался вашим пением. И все наслаждались.

— Ты льстишь мне, брат. Иногда мы играли вразнобой и пели неслаженно, потому что радость наша была очень велика и мы думали о том, чтобы выразить ее, а не о том, чтобы пение наше было стройным.

— Но, тем не менее, мне понравилось, Мариам. И пение понравилось, и то, что люди веселятся, понравилось. Теперь мы получили свободу, и нам надо веселиться как можно чаще. Радость дает силу и уверенность...

— Мы станем веселиться каждый день! — пообещала Мариам. — Был бы только повод... Когда же мы остановились и начали ставить шатры, я взяла с собой Шошану, жену Пагиила, начальника колена Асирова, и пошла проведать Изис, жену начальника над воинами Савея, которая не веселилась с нами, а ехала весь день в повозке, сказавшись нездоровой. Шошану я взяла с собой не случайно — ты же знаешь, насколько она искусна в приготовлении целебных настоев. Она оставила большую часть своего имущества, взяв вместо них мешки с сушеными травами... Но я отвлеклась и зря, потому что до трав дело не дошло. Когда мы пришли к Изис, то застали ее такой же свежей и цветущей, как обычно, без малейшего признака хвори. Возле шатра нас никто не встретил, люди были заняты приготовлением ужина, и мы беспрепят-



ственно вошли внутрь. Изис полулежала на ковре и читала какой-то свиток. При нашем появлении она проворно убрала его за спину, но я успела заметить, что папирус был из тех, на котором пишутся повеления фараона – тончайшей выделки, с едва заметной желтизной, и он не шелестел нисколько и не шуршал, когда Изис свернула его. То было письмо от фараона или...

– Или от старшего брата Изис, – вставил Моисей. – Он занимает высокое положение и может писать сестре письма на таком папирусе.

– Позволь с тобой не согласиться, Моисей, – покачала головой Мариам. – Зачем Изис так спешно прятать письмо от брата? Разве кто-то запрещает ей или кому-то другому получать вести из Египта? Если бы это было письмо от брата, то надо было сказать: «Вот я получила новости из Египта и сейчас расскажу вам их». Мы бы с удовольствием послушали. И вот еще – от какого брата может прийти письмо, если Изис рассказала всем, что братья отреклись от нее по причине перехода в нашу веру. Они стерли ее имя из всех родовых списков, прокляли и забыли. Так рассказывала сама Изис и повторяла: «Есть у меня Господь и есть данный им муж, чего же еще мне надо?» Это настораживает, потому что не может не настораживать. Поспешно спрятанный свиток, похоже написанный кем-то из писцов фараона, в сочетании с пребыванием в повозке в течение всего дня означает прибытие тайного гонца с письмом от фараона или кого-то из

его приближенных. А о чем станет писать Изис фараон? О чем-то вредном для нас, о чем же ему еще писать? Или, может, Изис доносит фараону про наши дела? Этот проклятый Мернептах жив, я так чувствую! Он жив и продолжает ненавидеть нас! Почему Изис не может быть его глазами и ушами среди нашего народа? Не забывай еще и о том, что муж ее начальствует над тысячами воинов из колена Эфраимова и много знает. А что, если она подчинила его своей воле и он теперь делает то, что жена ему скажет? Изис красива, она возбуждает желание. Такой женщине при желании нетрудно подчинять мужчин своей воле. Вот о чем я пришла сказать тебе, брат! Будь осторожен и не жди верности от Савея, сына Ионы, потому что жена его ведет себя странно!

«А почему бы и не Изис? – подумал Моисей. – Разве женщина не может заразить овец болезнью или поджечь повозку? А разве не может женщина обзавестись одним или двумя помощниками? Она может подкупить их или обольстить... Нет, напрасно мы с Аароном говорили только о мужчинах. Иная женщина может сделать больше любого мужчины... А что? Очень удобно иметь женщину-соглядатая среди врагов, никто не заподозрит женщину и не станет обращать внимание на то, что она делает. Никто, кроме мужа или, скажем, брата, а если муж заодно с женой, то...»

Стоит подумать об одном, как на ум сразу же приходит другое. Моисей вспомнил, как Савей хвалил однажды египетских жрецов, превознося их ученость. Вспомнил лю-

бимую поговорку Савея «лучше ранить врага, чем убить». Странное правило для воина, ведь убитый враг уже не сможет причинить вреда, а раненый поправится и снова встанет в строй. А как Савей любит устраивать у себя пирушки, во время которых его жена развлекает гостей игрой на флейте...

Только вот Элиуду не поручишь проследить за Изис. Если это будет замечено и дойдет до Савея, то случится беда. Всем известно, как любит Савей свою жену. Если он решит, что Элиуд преследует Изис, то может убить его в гневе. Да и много ли удастся узнать Элиуду, ведь женщины не склонны делать что-то напоказ, да и маскируются они отменно – вот Мариам сейчас закуталась в черное покрывало, и даже он, родной брат, не сразу узнал ее. Изис может закутаться точно так же, согнуться и ходить мелкими шагами. Все будут думать, что это ходит какая-то старуха... Старуху никто не в чем не заподозрит...

Мысли начали путаться. Моисей понял, что очень устал, а усталость – плохой советчик. Поблагодарив Мариам, он сказал, что еще вернется к этому разговору, и хотел проводить ее, но она отказалась и ушла одна.

Самому Моисею стан уже не казался таким безопасным, как совсем недавно. Где-то притаился враг, а, может, и не один. Египтяне коварны и очень злопамятны. Разве сможет фараон смириться со столь сокрушительным поражением? Нет, не сможет. Он непременно захочет отомстить, захочет

снова поработить евреев или же погубить их, если поработить не получится.

«Что бы сделал я, будь я рукой фараона?» – подумал Моисей перед тем, как заснуть.

Ставить себя на место врага полезно – так лучше видны слабые и сильные стороны его.

«Устроил бы еще какие-то несчастья и продолжил бы распускать слухи до тех пор, пока неразумные бы не взбунтовались, – думал Моисей. – А потом бы перебил самых разумных и пошел бы в Египет. Не исключено, что на первых порах фараон был бы милостив к вернувшимся под его руку евреям. Но милость эта уменьшалась бы с каждым днем, подобно тому как утекает песок из горсти, и кончилось бы все рабством еще более худшим, чем раньше...»

# Глава 8

## Черный человек

Ночь в пустыне прохладна, но костер зажгли не для того, чтобы согреться, а потому что с костром не так страшно. Это днем пустыня кажется тихой, когда люди и животные производят столько шума, что заглушают все звуки пустыни. Ночью же много их – непонятных, а оттого устрашающих звуков, негромких, едва слышных. Костер из сухого овечьего навоза почти не дает пламени, но с ним веселее сидеть на самом краю стана и слушать пустыню. К тому же на костре, из чего бы он ни был разведен, можно нагреть воду, бросить в нее пригоршню сушеных трав и медленно, мелкими глоточками, пить бодрящий отвар.

А самое главное – костер виден издалека, даже ночью, при свете звезд и служит превосходным ориентиром для поиска нужного места. Трудно назначить днем встречу, когда народ еще идет и не встал на отдых. Как указать на нужное место, еще не видя стана, а становятся на отдых всякий раз по-другому, соблюдая лишь то, чтобы левиты с Моисеем и Аароном находились в середине лагеря? Разве что сказать: «Приходи на восточный край стана и смотри, где будет в пустыне костер. Увидишь, подойди и скажи: «Мир вам, неспящие». Если ответят тебе: «Не спим мы, потому что сон не приходит

к нам», то садись к костру. Если ответят иначе, значит, ты пришел не туда – иди искать своих дальше».

Собравшихся было четырнадцать – по одному еврею от каждого из колен Израилевых, один египтянин, из числа примкнувших к Исходу, и один звероподобный гигант – беглый раб из моавитян, пожелавший свободы настолько, что притворился обратившимся в веру евреев, чтобы уйти вместе с ними. Каждый из собравшихся стоил другого – все они были беспутными бездельниками, завистливыми и недовольными своим положением. Каждый из них в первые дни Исхода, еще до чудесного перехода через море, обратил на себя внимание, к каждому в толпе подошел человек в черной одежде, с закрытым тканью лицом (многие закрывали лица свои от песка) и назначил встречу ночью в уединенном месте. Найти в многолюдном лагере уединенное место нетрудно, надо только углубиться в пустыню шагов на пятьдесят или на сто. Мало ли какая нужда погнала людей в пустыню. Может, не спится им, но и всем остальным, кто спит перед новым переходом, мешать они не хотят, вот и уселись подалеке...

Костер, возле которого они собрались, развел моавитянин, которого звали Муло. Он пришел первым и принес навоз, воду, сушеные травы и потрескавшуюся деревянную чашу, которая сейчас переходила из рук в руки.

Это была первая встреча всех собравшихся в одном месте, но никто не спешил знакомиться с остальными и не на-

зывал своего имени и не сообщал, к какому колену относится. Только египтянин сообщил, что его зовут Сапху, но никто не поверил в то, что он назвал свое истинное имя. Все, и евреи, и моавитяне, и хетты, знают, насколько лживы египтяне и насколько привыкли они обманывать. Настолько привыкли, что обманывают даже тогда, когда это не приносит им никакой выгоды.

В ожидании того, кто собрал их здесь, пили бодрящий отвар и беседовали, старательно избегая важных тем и всего, что было связано непосредственно с ними.

– Эх, оставил я дома кувшин с медом! – сокрушался тот, что был из колена Иегуды и носил имя Захария. – Большой кувшин с медом! Где взять в пустыне мед?

– Если пчелы делают мед, то его должны делать и какие-нибудь жуки, – сказал Ахаз из колена Иссахарова, принимая из рук Захарии чашу.

– Может, и делают они мед где-то под землей, а мы не знаем, – сказал одноглазый Седекия из колена Эфраимова. – Но что до меня, то я не люблю меда, уж очень он приторный!

– Когда на языке сладко, то и на сердце хорошо! – сказал Енох из колена Гадова. – Сладости надо хорошенько запивать водой, тогда они не будут казаться приторными и доставят удовольствие.

– А еще делают так, – вступил в беседу египтянин Сапху, передавая чашу Еноху. – Берут спелую дыню, разрезают ее вдоль и наливают в каждую половинку меда...

– Так, должно быть, поступают только повара фараона! – перебил его Ифтах из колена Рувимова. – Это же безумное расточительство – лить мед в спелую дыню! Зачем поступать так, если спелая дыня сама на вкус, как мед?

Едва слышно зашуршал песок.

– Змея! – испугался Нахум колена Данова, подбирая вытянутые вперед ноги.

– Это я! – к костру присел человек, одетый в черные одежды, с лицом, закрытым куском черной же материи, и потому не видный в ночи. – Вы что, не знаете, что к костру, разведенному из овечьего дерьма, змея близко не подползает?

Человек говорил так, как говорят простолюдины, растягивая гласные и проглатывая окончания слов. Возможно, что он делал это намеренно, скрывая свою истинную сущность – уж слишком важно для простолюдина он держался.

Пользуясь случаем, Рувим из колена Симеонова, прозванный за свое обжорство Две глотки, осушил чашу до конца, выпив больше, чем ему положено, и швырнул ее на колени Муло-моавитянину.

– Все ли пришли сюда благополучно? – спросил Черный Человек.

– Да, – сказал каждый из четырнадцати.

– Попробовал бы мне помешать кто-нибудь, так я бы свернул ему шею! – добавил моавитянин.

Тщедушный Тадай из колена Вениаминова, сидевший слева от моавитянина, опасливо покосился на него, словно



беспокоясь за собственную шею.

– Не надо никого убивать! – строго сказал Черный Человек. – Мы не должны привлекать к себе чужого внимания. Мы – тени, незаметные, неуловимые, ускользающие... А если уж и придется свернуть кому-то шею, то непременно надо зарыть труп в песок, чтобы его не нашли. Будьте осторожны! А теперь к делу. Завтра на рассвете начинайте говорить людям о том, что Моисей вывел их из Египта только для того, чтобы отдать в рабство ассирийцам или кушитах. Египетское рабство было вольготным – люди жили в своих домах, вместе со своими семьями, получали плату за свои труды, наживали какое-то имущество и ходили свободно, как хотели. У ассирийцев же рабы не имеют ничего своего, кроме повязки на теле, служащей для прикрытия срама. Мужчин-рабов ассирийцы содержат отдельно от женщин-рабынь, и не возбраняется хозяевам в любое время утешаться с принадлежащими им рабынями. А кормят они так – насыпают в составленные вместе ладони муки, и это пища на день, ее разводят водой и едят. Если раб сорвет плод с дерева, то они кричат: «Украл! Вор!» и рубят ему правую руку. Вот так поступают с рабами ассирийцы, но кушиты поступают еще хуже, потому что у них в обычае людоедство. Мало того, что они заставляют раба много работать и плохо его кормят, они еще могут съесть его, когда захотят!

Все слушали молча и верили, так убедительно говорил Черный Человек. У некоторых от удивления приоткрылись

рты.

– Моисей еще не решил, кому отдаст в рабство народ свой. Он тянет время, выжидая наибольшей выгоды, вот и водит людей без всякой цели по пустыне. А когда сторгуется с ассирийцами или кушитами, то поведет прямо к ним в руки. Придет день, и о египетском рабстве евреи станут вспоминать с сожалением, говоря: «Как хорошо нам жилось в Египте, а мы, неблагодарные, не ценили этого!» Так и скажите людям: «Вы еще пожалеете, но будет поздно жалеть!»

Ему верили, потому что он говорил веско. А еще верили, потому что каждому при первой встрече Черный Человек дал маленький слиток серебра, сказав: «Бери, я же вижу, что ты пребываешь в нужде. Потом дам еще». Серебро, как и золото, сейчас было в большой цене, потому что блуждая по пустыне, никто ничего не наживал, все только тратили. «Кто ты?» – спросил каждый у Черного Человека. «Я – посланец настоящего бога, солнцеликого Ра<sup>13</sup>, бога, который не скрывается от людей, а ежедневно является им на небе», – ответил Черный Человек и добавил, что носит плотные черные одежды для того, чтобы скрыть сияние, исходящее от его тела, – знак Ра.

Черному Человеку поверили, да и как не поверить тому, кто бескорыстно наделяет серебром и обещает наделить еще. Как не поверить тому, кто говорит: «Моисей уготовил гибель

---

<sup>13</sup> Ра (др.-греч. Ρα; лат. Ra) – древнеегипетский бог солнца, верховное божество.

народу своему, но Ра спасет всех, кто захочет спастись, а особливо достойных возвысит и осыплет милостями!» Каждый из четырнадцати хотел возвыситься. Каждый из четырнадцати жаждал милостей с неба. Черный Человек хорошо разбирался в людях и умел выбирать себе подходящих помощников.

– А еще скажите всем, что бог Ра иссушил землю, по которой идет Моисей, и не будет евреям воды, пока они следуют за ним. И пусть знают люди, что великая Исида<sup>14</sup>, разгневавшись на то зло, которое евреи под предводительством Моисея причинили ее сыну, божественному фараону Мернептаху, будет чинить евреям всяческие препятствия и беды до тех пор, пока они подчиняются Моисею. И для этого дела богиня избрала вас, потому что увидела, что вы достойные из достойнейших...

Где-то в отдалении пронзительно завывли шакалы, и их рыдающий вой хлестнул по ушам, вселяя в души страх. Казалось, что то кричит сам Анубис, судья Царства мертвых. Кто-то поежился, кто-то вздрогнул, а трусливый Шимон из колена Иудина не смог сдержать крика.

– Ра обратил на вас свой сияющий взор! – продолжал Черный Человек. – Исида избрала вас! Радуйтесь! Когда мы благополучно вернемся в Египет, владыка наш фараон приблизит вас к себе и половина из вас будет стоять по правую руку от него, а половина по левую, впереди всех сановников и

---

<sup>14</sup> *Исида* – богиня женственности и материнства в Древнем Египте, одна из самых могущественных в пантеоне.

жрецов, и они станут завидовать вам!

Глаза доверчивых слушателей загорелись алчной надеждой. «Глупцы, – с презрением подумал Черный Человек. – Разве вам стоять возле божественного трона? Вы, смердящие шакалы, недостойны даже лизать подошвы сандалий ничтожнейшего из слуг фараоновых. Это меня приблизит владыка наш фараон. Меня, а не вас!»

У Тадая из колена Вениаминова свисала из носа огромная сопля, но он этого не замечал. Сапху закатил глаза и расплылся в улыбке – не иначе как уже видел себя возле фараонова трона. Эхуд из колена Манассиина, раскачивался взад-вперед и что-то мычал. Иоил из колена Асирова толкнул локтем в бок Захарию из колена Иегуды. Седекия из колена Эфраимова простерся ниц перед Черным Человеком и бормотал что-то бессвязное.

Вой шакалов оборвался так же внезапно, как и начался.

Черный Человек дважды хлопнул в ладоши, привлекая внимание своих собеседников. На руках у него были перчатки из тонкой материи, тоже черные, подобные тем, что надевают жрецы бога Тота<sup>15</sup> перед тем, как взять в руки небесный камень, в котором заключена божественная мудрость. Камень упал с неба, его касались руки Тота и Ра, поэтому обычным людям нельзя осквернять его своим прикосновением.

– Исида повелевает вам завтрашней ночью продырявить

---

<sup>15</sup> Тот – древнеегипетский бог мудрости и знаний.

все бурдюки, до которых вы сможете добраться и перебить или опрокинуть все сосуды с водой. За это вы приобретете ее расположение, а я дам вам вдвое больше серебра, чем давал. Послезавтра после полуночи снова соберемся у восточного края лагеря...

Черный Человек посмотрел на моавитянина и приказал:

– Позаботься опять о костре.

Гигант молча кивнул.

Шакалы завывали снова.

– Слуги Анубиса придут за тем, кто не выполнит повеления Исиды, еще до наступления темноты и уволокут в царство мертвых! – пригрозил Черный Человек, немного повышая голос. – Неверным не будет пощады!

Египтянин Сапху со страху обмочился, но этого никто не заметил. Черный Человек уже ушел, а подельникам Сапху было не до него.

# Глава 9

## Авенир, сын Этана, начальник над воинами

В мечтах своих Авенир привык подниматься высоко-высоко. Выше всех! Иначе и мечтать незачем. Только глупцы мечтают о низменном, умные люди, обладающие множеством талантов, мечтают о великом. Чаше всего в мечтах Авенир видел себя верховным военачальником фараона, но иногда дерзал подняться выше. А что? Разве не был основатель нынешней династии Рамсес I военачальником при фараоне Хoremхебе? Хoremхеб по достоинству оценил его способности и назначил своим преемником. И почему бы ему, Авениру, сыну Этана, нельзя сделать то, что до него сделал другой? Потому что он еврей? Это не такая уж большая помеха...

Еврейство свое Авенир привык воспринимать именно как помеху, препятствие на пути к возвышению. Дед его, отец матери, вел свой род от аморейского<sup>16</sup> царя Лицитиштара и очень гордился этим. Сам гордился и внука приучил гордиться, причем настолько, что Авенир в глубине души считал себя аморейцем.

---

<sup>16</sup> *Амореи* (амориты) – кочевой западносемитский народ древней Передней Азии.

Этан, отец Авенира, и его отец, дед Авенира, были военачальниками. Из колена Эфраимова многие служили в армии фараона, божественного владыки Верхнего и Нижнего Египта. Но пользы от деда и отца было мало – дед рано умер от лихорадки, подхваченной во время похода на Куш, а отец был нечестолюбив и многого не достиг – в расцвете своей карьеры командовал десятую тысячами копейщиков из Мен-нефера<sup>17</sup>, а все знают, что хуже этого отребья в фараоновом войске нет. «Ленив, как житель Мен-нефера» и «туп, как житель Мен-нефера» говорится недаром.

Авенир начинал при покойном фараоне, Рамсесе Втором, отце нынешнего фараона Мернептах. Рамсес Второй был великим правителем, могущественным и славным, но к евреям он относился с большим предубеждением. У нынешней династии евреи вообще не в почете, увы. Но, несмотря на предубеждение фараона, Авениру удалось подняться довольно высоко, пятьдесят тысяч воинов было у него в подчинении, причем то были отборные отряды фараонова войска, уступавшие в выучке только гвардии фараона. Рамсес Второй умел ценить преданность в людях. Разумеется, не будь Авенир евреем, он бы вознесся еще выше, но и так дела его шли неплохо. Многие застревали в самом низу. Воин может быстро стать десятником, если он смышлен и храбр. Десятник, показавший, что он достоин стать сотником, станет им непременно. Но вот станет ли сотник тысячником, никому

---

<sup>17</sup> *Мен-нефер* – Мемфис.

не ведомо, потому что для подъема на такие высоты одних лишь достоинств недостаточно, нужна еще и удача, обстоятельства должны сложиться благоприятно. Простой писец, успевший оттолкнуть фараона в сторону во время обрушения барельефа с изображением Девяти богов в тронном зале, на следующий же день становится начальником над писцами и получает в подарок столько золота, сколько весит фараон. Десятник, сумевший остановить понесших коней, впряженных в колесницу фараона, получает должность начальника над ливийскими наемниками... Счастливый случай правит миром, но глупец уповает на счастливый случай, а умный создает его. Но для того, чтобы создать счастливый случай, тоже нужна удача... Без нее все пойдет прахом. Или же случается так, что достигнешь чего-то – и вскоре лишишься. Приходится начинать сначала. Плох тот воин, который падает и не поднимается снова, но лучше бы обойтись без падений...



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.